

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

Золотой ключ, или Похождения Буратины

Claviculae

Несколько историй,
имеющих касательство
до походов
Буратины
и других героев

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Книжная полка Вадима Левенталя

Михаил Харитонов

**Золотой ключ, или
Похождения Буратины.
Несколько историй, имеющих
касательство до похождений
Буратины и других героев**

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Харитонов М. Ю.

Золотой ключ, или Похождения Буратины. Несколько историй, имеющих касательство до походов Буратины и других героев / М. Ю. Харитонов — ИД «Городец», 2021 — (Книжная полка Вадима Левенталю)

ISBN 978-5-907358-90-4

В настоящей книге содержатся «Ключики» – дополнения, прибавления и комментарии к эпической трилогии Михаила Харитонova «Золотой ключ, или Похождения Буратины» – роману, который по праву называют самым дерзким, самым ярким, самым необычным, самым смешным, но и самым глубоким произведением новейшей русской литературы. Содержит нецензурную брань! В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907358-90-4

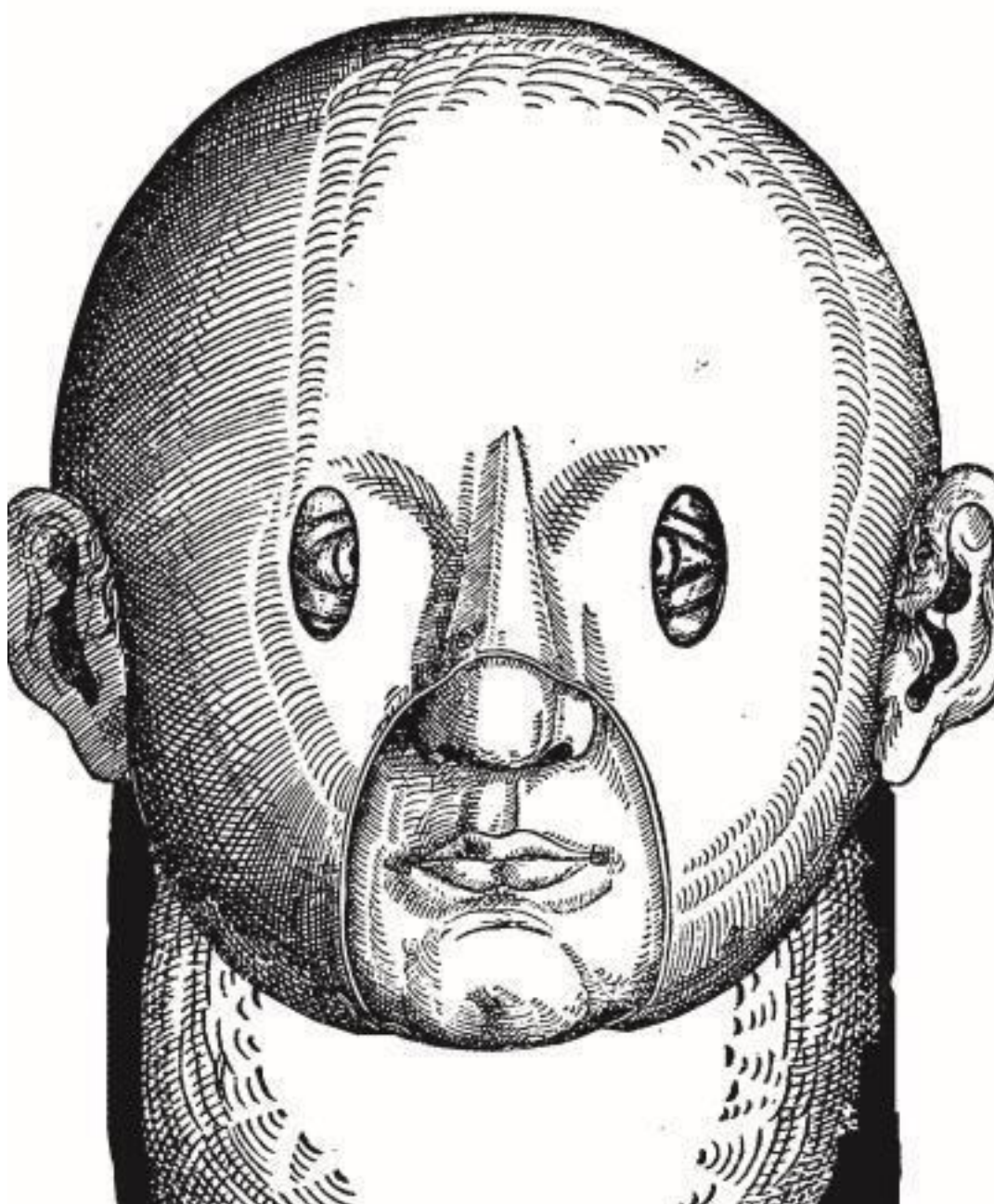
© Харитонов М. Ю., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Предупреждение автора	7
Claviculae	8
Первый ключик,	8
Огромножоп и прекраснохвост	8
Второй ключик,	11
Зовите меня	11
Третий ключик,	16
Раз уж такое дело	16
Четвёртый ключик,	18
Это в высшей степени возмутительно	18
Пятый ключик,	51
О. Васисуалий Астматик. Ордена эквестрии	51
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Михаила Харитонов
Золотой ключ, или Похождения Буратины.
Несколько историй, имеющих касательство
до походов Буратины и других героев
La Comédie infumaine

Изображения Старших Арканов Памелы Колман Смит и Елизаветы Павловой

© П. Лосев, оформление, 2021

Предуведомление автора

Эти маленькие истории я назвал *claviculae*, «ключиками». Если есть большой золотой ключ, то почему бы не быть маленьким ключикам – серебряным, медным или даже оловянным, которыми можно открыть тайники и закрытые уровни книги. То есть – узнать что-то раньше, чем это предусмотрено основным сюжетом, заглянуть за угол текста, подглядеть, куда ведёт боковой ход, автором намеченный, но не обустроенный, ну и всё такое.

Понятное дело, ключики предназначены для *особенно* внимательных и благодарных читателей. Но автор тешит себя мыслью, что несколько настоящих ценителей у его творения всё-таки найдутся, и ему приятно вручить им эти небольшие подарки.

Ключиками нужно пользоваться в определённой последовательности. Поэтому я везде, где это необходимо, указываю, после какой главы основного текста стоит заглядывать сюда и до какой – чтобы не было совсем уж поздно. Настоятельно прошу читателя прислушаться к этим рекомендациям – иначе вы только запутаетесь и испортите себе удовольствие. Хотя...

– а впрочем, как сами знаете.

Искренне Ваши

Михаил Харитонов, spirito tentatore

Claviculae

Несколько историй, имеющих касательство до походов Буратины и других героев

*и предлагал Ему многие вопросы,
но Он ничего не отвечал ему.*
Лк. 23:9

Первый ключик, серебряный

Огромножоп и прекраснохвост

*Читать где-то в районе Главы 19-й Первого тома,
но никак не позднее 22-й Главы его же.*

**Безвременье, около – или поблизости – какого-то часа.
Поздняя рань.
Места не близкие, но и не столь отдалённые.**

Вроде бы везде всё есть. А как посмотришь, так многого и не досчитаешься. Однако без этого значимого отсутствия действительность была бы ещё пустее – или, если угодно, пуще, или даже пустошнее, хотя, в общем-то, все эти слова не без изъяна. Но изъян, по крайней мере, налицо, и вот именно он-то и придаёт – а вот что именно придаёт, так сразу и не скажешь. С другой стороны – а стоит ли внимания то, о чём можно сказать всё и сразу, не потратив ни минуты на созерцание и размышление?

Вот дорога. Допустим, она перед нами, а мы на ней. Ну или не мы, кто-то. А может, и что-то. Например, тут могло быть небольшое придорожное кафе с огороженным двориком и выцветшими тентами – с названием, к примеру, «Прорва», или, того лучше, «Перерва»: на

каком-нибудь языке эти слова непременно хороши или хотя бы означают что-то хорошее. Но при дороге нет кафе «Прорва», да и вообще ничего хорошего нет.

Ах, если б рядом – розовый куст! Он почти доставал бы до полуоткрытого окна, из которого пахло бы гювечем, гиросом и чёрным смоляным кофе. Но – нет, здесь не цветут розы, здесь не варят кофе. Хер здесь варят! – да и того, в общем-то, не дождёшься к столу, ибо хер сыр, сыр хер, сколь долго его ни вари, особенно если нет его – как, впрочем, и воды, и котла, и стола, не говоря уж об очаге или открытом огне. Где всё это? Хер знает. Знает, но молчит – чтоб не сварили, а также по другим понятным причинам.

Ещё может знать Монтень. Но Монтеня не видно. Незаметно что-то и памятника Монтеню. Хотя он-то как раз должен быть, ведь где-то есть памятник Монтеню – ибо таким людям обычно ставят памятник-другой, а то и все четыре. Однако Монтень, по словам Честертона, не мыслил о еже. Почему сей снисходительнейший гуманист так пренебрегал ежом – решительно непонятно. А когда о человеке что-нибудь решительно непонятно, памятник ему лучше не ставить, вы не находите? Ну а если уж он стоит – не замечать его принципиально?

Не отчаиваемся, придумываем себе яблоню, полную мелкими жёлтыми китайскими яблочками, – которые, если потрянуть ветви, сыплются градом и часто-часто стучат по земле, иной раз попадая по руке или в темечко. Их не нужно есть, их нужно слушать стук. Или уж если пробовать, то пихать в рот горстями – невымытыми, ощущая вкус сладкой земляной гнили. В одном из яблочек должен был бы быть, наверное, маленький бурый червячок – но нет! Нет и его. А поскольку его нет – он никому ничего не должен, но никому низачем и не нужен.

Ох не повредила бы и вкопанная в землю бочка, к которой хорошо прислоняться бедром – тёплым вечером, когда небо уже отпыхало, а земля и вещи благодарно выдыхают тепло. Зажмурившись, слушать ветер, тайно надеясь различить в нём знакомые голоса – а потом пить ракию, настоящую на почечном камне злопипундрия, да палить люльку, да читать Астафьева или Белова, о далёких северных землях, где под звёздами ходят огромные ледяные рыбы. Но где ж бочка? Нет той бочки: сокрушили её сапоги солдат Муссолини, или она пошла на растопку гарибальдийского костра, а может, разохлась тихо и бесславно в эпоху авиньонского пленения пап. Однако, вероятнее всего, её здесь не было. И в других местах тоже: там были другие бочки – а этой не было. Но это ничего, ибо бочка не повредила бы, но её отсутствие тоже ничему не вредит, ибо и повреждаться-то нечему.

Ну хорошо, пусть, пусть так! – но хотя бы след, просто след башмака в пыли! Я сам готов его оставить, если нет других вариантов. Однако – нет, земля не принимает моих следов. Они слишком легки, небрежны и оскорбительны для неё – привыкшей к толстым сапогам подёшников, к осязательным следам жизни, ненужной для себя самой.

Эти слова – чужие, заветные, из Сундука Мертвеца – шелестят у меня в голове, как морской песок на заброшенном пляже: сухое пришептывающее «слишком», проскальзывающая стёртой щекой галька «подёшников», в «осязательном» застряло колкое бутылочное стекло – «с-з». И наплывающий гул прибоя. Я вижу этот звук, именно вижу звук, потом воображение дорисовывает волны. Как звери, бьются они мокрыми лбами о запретный берег – и с зубовым шипом мрут среди водорослевых ниток, комочков ила, плевочков-ошмёточков пены и прочей бессмысленно-мелкой хуйни, из которой и состоит жизнь. Если моя дорога ведёт к *этому* океану, я поверну назад.

Но не лучше ль и вовсе сойти с дороги? Углубиться в развалины пейзажа, в останки невысоких меловых гор, к лесам повернуть движеньем резким, войти под их немые своды и в них утонуть, исчезнуть – чтобы посреди зелёного бескрайня вдруг замереть, созерцая чудо: озерцо с прозрачной водой. Тайное око леса, оно собирает вокруг себя единство путей и связей, на которых и в которых рождение и смерть, проклятие и благословение, победа и поражение, стойкость и падение создают облик судьбы, прозреваемый смертными в его водах. Но нет здесь ни смертных, ни богов. Я же и вовсе не в счёт, ибо меня нет, нет, нет ни для кого.

Вот белеется отмель. Она простирается, чтобы луна чертила на ней свои дорожки – да, луна, луна: огромная, сырно-жёлтая, какая бывает только в безветренную ночь. Но нет безветренной ночи, не время для неё, разве только вечер затеплится синий; и, кстати, ещё не факт, что затеплится. Сколько уж было таких вечеров, которые гасли, не теплясь?

Зато ленивая стрекоза – как изысканно смотрелась бы она на краешке бокала! но увы, увы, у нас и с бокалами напряжёнка – оседлала острый лист и наблюдает за песчаной квакушкой. Наблюдает лишь затем, чтобы не видеть грозной тени, поднимающейся из глубины: ибо в озерце водится огромножоп.

Огромножоп! Мутант, порождение тьмы, загадочный огромножоп, он так свиреп и дик, и нет в нём милосердия к живущим, и сочувствия к мёртвым тоже в нём нет ни на скрупул! Он – ужас мира, стыд природы, так что мир и природу извиняет лишь то, что и его нет.

Но эта мысль не успевает прийти нам в голову, ибо сверху, застилая облака радугой, падает из самого сердца небес извечный соперник огромножопы – прекраснхвост. Он так жарк, так ярк в неистовстве цветущей своей красы, он столь неудержимо пленителен, что смотреть на него невыносимо. Поэтому мы и не смотрим – а также и потому, что и его нет, а есть лишь томленье по прекраснхвосту прекраснхвосту, неутолимое, как танталова жажда. Да и томленья-то, в сущности говоря, тоже никакого нет, а то, что есть, томленье быть никак не может, ибо всякое подлинное томленье утолимо – хотя бы самим собою. Значит, и томление – пшик, вздор, гиль, реникса, нонсенс и катахреза!

Что же есть? Лишь пустошь, заросшая травой. Белеется вдали маленькое стадо диких коз. Истошно орут цикады, утомлённые солнцем.

Может быть – никто не знает точно, ибо некому это знать – мимо бредёт усталый, одинокий путник вроде меня, бредёт мимо коз и цикад, вздыхая о ночлеге или хотя бы о минутном отдыхе. Но не видя вокруг ни дрожащих огней печальных деревень, ни случайной сторожки, ни даже сухого овражка.

Ну а если и того нет? Какие наши доказательства, что тут какой-то путник пробежал? Чесгря, никаких. Мы хотели бы верить – но мало ли чего мы хотели, шароёбась вдоль и поперёк глухих, окольных троп, которые ведут исключительно друг к другу? Да, в общем, те желания столь же лестны, вздорны и не стоят внимания. Или хотя бы презрения. Ибо и оно истошилось в нашем мире, ну или стало невообразимой редкостью – как нефть, как честь.

Есть только огромножоп, есть только прекраснхвост. И то: ведь существуют они не для себя и не для нас, а лишь друг друга для. Ибо каждый из них – сон разума другого.

Второй ключик, альтовый

Зовите меня

*Читать после 29-й Главы Первого тома – хотя можно
и после 17-й, если совсем уж невтерпёж.*

**Санкт-Петербург (бывш. Ленинград). 1996 г. н. э. (от Р. Х.).
Воскресенье**

Малянов подступил к плите, взгромоздил чайник. Сунул под него спичку с маленьким горбиком пламени на спинке. Медленно кашлянул газ. Синие когти огня впились в старую, закопчённую жёсть.

– Сначала зажги, потом ставь, – посоветовал Вечеровский.

– Я так привык, – Малянов осторожно, по сантиметру, развернулся, чтобы смотреть на Вечеровского.

Для покойника Вечеровский был неприлично молод. И одет по-молодому – кремовая водолазка, ремень, серые брюки. Жёлтые пижонские ботинки сидели на нём как убитые.

– Ты воды не налил, – сказал Вечеровский, закуривая.

– Знаю, – Малянов открыл крышечку и залил воду из кувшина. – Я так привык, – добавил он, не дожидаясь вопроса.

– Не стариковствуй, – предупредил Вечеровский, стряхивая пепел в пустую сахарницу. – Тебе вообще-то шестьдесят пять. По мировым меркам – самый расцвет.

– Это по мировым, у них медицина. – Малянов со стуком поставил кувшин на стол. – Знаешь, я ведь когда-то боялся сенильной деменции. Всё что угодно, только не сенильная деменция. Когда читаешь препринт своей статьи и не понимаешь, что написано.

– Ужас-ужас, – Вечеровский выдохнул, изо рта бестолково повалил серый дым. – И как?

– С чем смотря, – Малянов полез в кухонный шкафчик за стаканами. – Я всё ещё могу прочесть препринт своей статьи. И понять, что написано. Я даже могу прочесть препринт статьи Горькавого на английском. И понять, что это дрэк и вторичный продукт... Но вот этого всего я уже не понимаю, – он повернул голову к окну без занавески, за которым была ночь, деревья и крыша соседней пятиэтажки: когда-то знакомый мир, ставший чужим и опасным.

– И не надо, – Вечеровский взял салфетку, снял тяжкие роговые очки и принялся их протирать.

– Грязь размажешь, – сказал Малянов. – Кстати. Почему стало так грязно? Раньше такого не было. Я теперь всё время руки мою.

– У тебя чисто, – напомнил Вечеровский. – Оксана пидарасит всё до блеска. Дважды в неделю. Если схалтурит – ноги вырву.

– Пидарасит, ноги вырву, – задумчиво повторил Малянов. – Раньше так не говорили. Что, теперь можно?

– Нельзя. Но говорят, – Вечеровский поморщился. – А это что? – показал он на подоконник, где лежали какие-то бумаги.

– Из ящика, – сказал Малянов. – В смысле почтового. Всё время чего-то пихают. Я каждую неделю выгребаю.

– Тебе же сказали – не выходить из квартиры, – серьёзно сказал Вечеровский. – Никогда не выходи из квартиры. Ни-ког-да. Это – помнишь?

Он поднял палец и показал. На внешнем стекле белела точка, а вокруг – сложная система трещин, похожая на схему московского метрополитена.

– Оксана говорит – разборки какие-то. Так вроде со всеми разобрались? Нет? – с надеждой спросил Малянов.

– Не со всеми. Тебя убьют. За квартиру. Как Вальку Вайнгартена.

– Я только в подъезд, – начал оправдываться Малянов.

– Никуда не выходи, вообще никуда. Не веришь мне – поверь Бродскому. Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. Специально для тебя сказано. Хотя для меня там тоже есть полстроки. Заведу герб – сделаю девизом.

– Про уборную? – попытался вспомнить стихотворение Малянов.

– Нет, в середине предпоследнего, на латыни... Хотя зачем я говорю, ты забудешь. Ладно, сделаем по-другому. Где ключи?

– Ключи? – не понял Малянов. – Какие ключи?

– От входной двери. Извини, заберу.

– Я тогда не смогу дверь запереть, – пожаловался Малянов.

– И не надо. У Оксанки ключи есть, она запрёт.

– А как я скорпомощи открою?

– Забудь про скорпомощь, – Вечеровский рассердился. – Если вдруг чего – звони Оксане. Только ей. Больше никому.

– Ну вдруг мне плохо станет. Ведь надо скорую? – не понял Малянов.

– Скорая? Они приедут, посмотрят. А потом отзвонят кому надо, что нашли двушку в отличном состоянии с одиноким пенсионером. И всё.

– Ну не обязательно, – не согласился Малянов.

Вечеровский не снизошёл до ответа.

Дверь приоткрылась, из-за неё показался гладкий серый кот с аккуратной импортной мордой.

– Что, Калямуска? Рыбки хочешь? – Малянов наклонился к коту.

Тот не отреагировал.

– В прихожей корм, – напомнил Вечеровский.

– Да я насыпал. Ему бы рыбки, – Малянов жалобно прищурился.

– Нельзя ему рыбки. Он из шотландского питомника. На кормах всю жизнь. Ладно, это всё тоже Оксанке... – решил он.

Кот понял, что еды не будет, разочарованно сказал «мрюк» и ушёл.

– Погоди-погоди, – Малянов почесал под нижней губой. – У меня нет сенильной деменции. И я ещё не разучился думать. Если то, что ты мне рассказывал, действительно правда, то Оксанку ты нанять не мог. Она же должна забыть, что ты её нанял.

– Я и не нанимал, – Вечеровский закурил снова. – Нанимала Ирка. И она же с ней общается.

– Моя Ирка? – не понял Малянов.

– Нуда. Твоя. Я через неё иногда работаю. Она меня помнит. Тебя тоже, – быстро добавил он.

– А Бобка? – с надеждой в голосе спросил Малянов.

– Не знаю, – отрезал Вечеровский. – А с Иркой так. Звоню всегда у подъезда, по сотику. Она ойкает. Потом делает вид, что очень рада. Спрашивает, как у меня там в Америке. Все почему-то уверены, что я там, в Америке.

– А почему ты не в Америке? – заинтересовался Малянов.

– У меня ещё здесь дела, – не стал развивать тему Вечеровский. – В общем, захожу к Ирке с цветами и шампанским. Сидим часа два, потом я говорю, что у тебя проблемы с обслуживанием и надо бы помочь, а я с тобой в ссоре и сам не могу. Она кобенится. Даю денег...

– Сколько? – неожиданно спросил Малянов, следя за чайником: тот уже шумел, но ещё не булькал.

– Ты про заварку забыл, – сказал Вечеровский. – Вооон в том ящике.

Малянов не пошевелился.

– Ладно, я сам, – Вечеровский решительно поднялся, достал из шкафчика жестянку и заварник и принялся над ними колдовать.

– И чего Ирка? – не отставал Малянов.

– Жадная она очень, – Вечеровский поморщился. – Обычно просит триста. Долларов, – добавил он.

– За что? – не понял Малянов.

– За всё. Ну то есть сделать звонки, распорядиться туда-сюда... И я не могу уйти – забудет. Когда мы Оксанку нанимали, пришлось у неё заночевать. Ничего такого, сам понимаешь, – на всякий случай добавил он.

– И что, ты ей платишь триста долларов за звонки? – не поверил Малянов.

– Нет, конечно. Оставляю сотню, остальное обещаю завтра. Хотя и сотню жалко. Она её прячет, а потом забывает где. Да, кстати – у тебя деньги как? Не кончились?

– В тумбочке которые? Вроде осталось, – Малянов остановился, пожевал губами. – Интересно. Я обычно думаю, что в тумбочке лежат деньги за дачу в Замостье. И никак не кончатся. Потому что у меня очень скромные потребности.

– Скромные? Знал бы ты, во что твои препринты обходятся, – усмехнулся Вечеровский. – Кхм, а это что? – он с неожиданной заинтересованностью полез в ящик, забренчал посудой.

– Можешь больше не заказывать, обойдусь, – обиделся Малянов.

– Кто обойдётся, а кто нет – это решаю я, – заявил Вечеровский. – Ты мне нужен живым и без сенильной деменции. Как можно дольше... Оппаньки! – Вечеровский вытащил широкий бумажный лист, засиженный мелкими буквами.

– У тебя на этом посуда стояла, – сказал он. – Чайник кипит.

Малянов принялся заваривать чай, Вечеровский вернулся на прежнее место.

– Советский журнал. Страница двадцать девять. «Корнелиус отсутствующе кивнул и сел, – зачитал он, держа бумагу перед глазами. – Кресло, как и вся мебель, приспособленное к условиям низкой гравитации...»

– Корнелиус? Гравитация? Постой-постой... Знанийсила, – уверенно сказал Малянов в одно слово. – Шестьдесят шестой год, четвёртый номер. Пол Андерсон. Фантастика. Там ещё такие иллюстрации... голубые с чёрным.

– Вот прям уверен? – недоверчиво выгнул рыжую бровь Вечеровский.

– Уверен. Шестьдесят шестой, как же. Ирка тогда выделяться начала. По-всякому. Среди всего прочего – из подписных журналов страницы вырывала. Для хозяйственных нужд, – в голосе Малянова прорезалась нотка застарелой ненависти, давно высохшей, но въевшейся намертво, как чернильное пятно на скатерти.

– Я эту страницу очень долго искал, – продолжал он. – А она на неё, оказывается, чашки поставила.

– Ну хоть потом прочитал? – поинтересовался без интереса Вечеровский.

– В библиотеку ходил, – продолжал Малянов, обиженно позвякивая чайным ситечком. – А пока ходил, она перед Снеговым хвостом крутила... Всё-таки – что с Бобкой?

– Сахар у тебя где? – Вечеровский отложил бумажку в сторону.

– Я же говорил: у меня нет сенильной деменции! – Малянов набычился. – Бобка жив? Здоров? Где он?

– Жив, здоров, не заставляй меня дальше врать, – сквозь зубы процедил Вечеровский. – Фантастика про что?

– Про Юпитер. Подожди, заварится.

– И что же там было на Юпитере? – Вечеровский немного повысил тон.

– Там люди не могли жить. Гравитация, давление. Посылали вместо себя специально выведенных существ. Синих таких, хвостатых. У них своих мозгов не было, они через радиоуправление с орбиты. А в операторы брали паралитиков. Чтобы им было по кайфу руками-ногами шевелить. Ну а потом у этих синих сформировался свой разум, и они всех послали... Как-то так. А называется по имени главного героя. То есть не по имени, наоборот. Он имя сменил. Ну, когда окончательно отделился от человечества и стал этим, синим. Книжка так и называется. Зовите меня... забыл, как он там себя назвал.

– Кстати, идея, – Вечеровский как-то совсем не пафосно шмыгнул носом. – Когда окончательно отделись от человечества – сменю имя. Назову себя по-новому. И никто не узнает как. Гносеологический парадокс. Канту бы понравилось.

– Вещь в себе, – вспомнил Малянов.

– Ну да. Что-то вроде того.

– Слушай... – Малянов подвигал нижней челюстью, формулируя вопрос. – А как это у тебя началось? Сразу? Ну вот заснул, проснулся – и никто тебя не помнит?

– Нет. Всё развивалось последовательно. Сначала перестали любить. Я решил – ну, значит, было за что. Потом перестали дружить. Тоже бывает. Перестали писать. Перестали звонить. Не сказали привет, не позвали с собой, не смотрели в глаза... Дверью хлопнули в нос, – он усмехнулся. – И не велели звонить. Я сначала думал – было за что, потом случайно встретился: нет, просто позабыли, как звать. Потом я потерял паспорт. Пошёл в милицию восстанавливать. И вот только тогда до меня потихонечку начало что-то доходить.

На кухне стало совсем тихо. Малянову пришло в голову, что сейчас была бы очень кстати большая жужжащая муха. Но мухи не было. Вместо неё во дворе загудела машина и зашевелился лифт за стеной.

– Да, ещё, – сказал Малянов. – Зачем я тебе всё-таки нужен?

– Чтобы ты жил как можно дольше и как можно лучше, – сказал Вечеровский. – В данных конкретных условиях. Кстати, я тебе лекарство поменял.

– Я не про это спросил, – Малянов посмотрел на заварочный чайник, что-то прикидывая. – Я спросил, зачем я нужен тебе.

– Ну если ты опять так ставишь вопрос, – начал Вечеровский, не собираясь заканчивать.

– Именно, – Малянов потёр щёку, седая щетина скрипнула под ладонью.

– Ну хорошо. Мне нужен человек, который меня узнает с первого звонка. И отнесётся ко мне как к хорошему старому знакомому, с которым давно не виделись.

– Понятно. И сколько нас таких осталось? – любопытничал Малянов.

– Не так чтобы очень. Один школьный приятель, мы с ним отношения поддерживали... двое с работы... Девушка одна. То есть она теперь, конечно, уже тётка. Я с ней когда-то плохо обошёлся. А вот она со мной – хорошо. Глухов ещё живой, но он в Америке и у него реально деменция. Ну и ты. Хотя ты меня каждый раз за покойника принимаешь. Кто тебе вообще сказал, что я умер?

– Кто мне скажет? Все же умерли, – Малянов пожал плечами.

– Но ты хотя бы не кидаешься от меня с воплями. И чтобы восстановить отношения, полчаса обычно хватает. А то я как-то к Алхазу Булатовичу зашёл... это мой начальник бывший в конторе, точно должен помнить. И вспомнил, кстати, по глазам видно. Но не показал. Дескать, что вам надо. А мог бы получить полмиллиона.

– Долларов? – уважительно спросил Малянов.

– Фунтов, – усмехнулся Вечеровский. – Кстати, нужно будет заехать в банк. На тебя у меня кое-что оформлено.

– И всё-таки, – Малянов помолчал, формулируя вопрос. – Что это было? Гомеостатическое Мироздание?

– С нами-то что было? В каком-то смысле, – Вечеровский почесал нос. – Я тогда с перепугу всё переусложнил. Насчёт гомеостатического Мироздания. Мироздание само по себе никакое. Гомеостатичны цивилизации. Они сначала устанавливают свои порядки. А потом боятся, что появятся другие, которые будут нарушать. Но кто-то успевает первым. Так вот, люди – не первые. Мы даже не сотничные. Мы живём в мире, придуманном не нами. И те, кто придумал этот мир, приняли меры. Чтобы всё как шло, так и шло.

– Ну и что? – не понял Малянов.

– Ну и всё, – закончил Вечеровский. – *Sapienti sat*. Извини. Ты бы понял, если бы подумал. Но ты не успеешь. У нас мало времени. Допивай и поехали. У меня внизу машина с шофёром.

– Если вдруг ты знаешь, – Малянов впервые за весь разговор поднял глаза на собеседника. – Что с нами будет?

– С нами? А, в смысле вообще... Нет, не знаю. Думаю, всё будет как всегда, – Вечеровский отхлебнул. – Не надо в грядущее взор погружать. Не лучше ли жить и всей грудью дышать. Вдыхать прохладу вечернего края, где спят и мечтают, надежды не зная. Тогда приходит к нам раздвоение, и мы ни о чём не мечтаем, – он запнулся, привычным жестом потёр висок.

– Слушай, прохожий, слушай, – продолжил Малянов. – А после, не зная друг друга, мы с тобою расстанемся. В путь отправляйся...

– Дорога пылится вдали, – закончил Вечеровский. – Гийом Аполлинер. Перевод Михаила Кудинова. Извини, приспичило. Отойду в дабл. Надеюсь, за это время ты меня не забудешь. Очень надеюсь.

Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Вечеровский всегда отличался повышенной деликатностью в мелочах.

Малянов отпил из чашки. Решил, что чай получился в самый раз: крепким, но не горьким. Подумал, что надо бы сгонять Оксанку, как придёт, за едой. Надо бы свининки, только хорошей. Куриные ноги, конфеты, бельгийское печенье в круглой коробке. Капусту, молоко, специи – он в последнее время полюбил специи – и чего-нибудь выпить. Только не водку, не «Амаретто» и не коньяк. Вот покойный Вечеровский – что-то он о нём стал часто вспоминать, к чему бы? – любил «Ахтамар». Оксанка недавно принесла – это был не «Ахтамар» и не коньяк вообще, это была какая-то бурая краска со спиртом. Коньяк пропал. Всё настоящее куда-то пропало.

Из сортира донёсся шум спускаемой воды. Оксанка? Вроде бы она ходит по пятницам? Хотя она вроде забыла сумочку. Ну вот, пришла за сумочкой. Ключи у неё свои... всё просто. Как всегда – всё просто, будь оно неладно. Хотя оно и так неладно.

Когда всё пошло не так? Когда Ирка забрала Бобку? Когда развалился Союз? Когда на работе кончились деньги? Когда убили Вальку Вайнгартена? Захар вроде бы куда-то делся ещё раньше. Кажется, умер. Или уехал. Глухов... Вот Глухов точно уехал.

Скрипнула дверь. Он поднял глаза и увидел покойного Вечеровского.

Покойник смотрел на Малянова осуждающе – как будто тот в чём-то провинился, вот прямо только что.

– Опять двадцать пять, – раздосадованно сказал Вечеровский. – Ну ладно, по новой так по новой. Привет, что ли. Я живой. Просто ты меня не помнишь. Меня никто не помнит.

Третий ключик, бытовой

Раз уж такое дело

Читать не ранее 19-й Главы Первого тома, но желательнее освежив в памяти начало восьмой главы.

22 октября 137 года. День
Институт трансгенных исследований, корпус Е.
Поверхность, проходная

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ
Стандартная личная карточка Ib 0469
ПРОИСХОЖДЕНИЕ: изделие
ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 74
БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 5
ПОЛ: самец
ПРАВОВОЙ СТАТУС: человекообразный
ОСНОВА: аллигатор миссисипский
ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС AP1F: 4106
ПРИМЕНЕНИЕ: охранник
ПО – свыше 100 (точные данные отсутствуют из-за особенностей основы)
ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ: неизвестно/недостаточно
ЛИЧНОЕ ИМЯ: Геннадий

Дилетанты считают, что крокодилы основы уступают черепашьям по боевым качествам. Это они зря.

Я вот, к примеру, из перспективной линии засадных. А засадные, чтоб вы знали, это такие специальные ребята, которые могут два-три месяца лежать неподвижно на одном месте. Притворившись гнилым бревном, кучей кирпичного боя или газонным бордюрчиком. Без единого движения.

А в нужный момент то, что вы ежедневно перешагивали, или на что наступали, взрывается вихрем неудержимой силы. За пять секунд убивает десяток вооружённых охранников. И откусывает голову тому, за кем его послали. А затем, отскочив в сторону на пяток-другой шагов, засадный вновь впадает в оцепенение. И поисковые группы с их эмплатами и нюхачами не могут его найти. Даже если с устатку присядут ему на голову.

Перспективная была линия. И всего три недостатка.

Во-первых, конечно, постбоевая депрессия. После каждого подрыва крокодил не боец около месяца – гормоны, Мать их Дочь. Целый месяц жалко тех, кого убил, и себя самого, и вообще мировая скорбь. И слёзы рекой. При современном темпе боевых действий – недопустимая роскошь.

Во-вторых – принципиальная по основе неустойчивость к няшу. Даже к самому лёгенькому. Что там поньки и котегги... Любое маленькое пушистое чмо, вроде туалетного утенка, в лёгкую заняшит крокодила до соплей. Если, конечно, крокодил мер специальных не примет.

Как-то раз краем уха слышал, что, дескать, наш Нефритовый Хер посмеивался – мол, Генку даже плюшевый мишка заняшить может. Я не параноик, конечно. Но с тех пор как из

комнаты ухажу, Чебурашеньку в сейф прячу, от чужих глаз. Это как раз и есть моя мера специальная: если подходит близко пушистик мелкий, я, чтобы не някнуться, Чебушку вспоминаю – его глазёнки-пуговицы, лапочки мягонькие... А если не знать, то и впрямь смешно.

Ну а третье – это из-за чего линию и похерили.

Крокодилы – ну и аллигаторы с кайманами – основа особенная по многим позициям. Например, перепрошивке мы не поддаёмся,дохнем мы от неё. Ребилдинг омолаживающий со скрипом, кое-как, но идёт – а даже единичку в APIF-е ни прибавить, ни отнять.

Ну и... Это самое.

Генетики-то что думали – солдат убивать должен. И прошили. И основа ещё. Да.

Короче, пока воевали мы – нормально было. А как наш взвод на гражданку ушёл – вылезло.

Крокодил должен убивать. С кровью, с запахом. И очень желательно – убитое жрать. А без этого он полгода не протянет, если раньше с ума не сойдёт.

Взводный наш, Тото, рисовать умел хорошо. Домики рисовал, площадки детские. И после войны стал архитектором. Целый микрорайон отстроили по его проекту – и домики, и площадки. И газоны, газоны кругом, всё в зелени.

Там он и пасся четыре года. Оказалось. Да. Раз в месяц выходил, ложился на газон, и никто его не видел. И дети на площадке играют. А к вечеру расходятся. А кто последний уходил – тот не доходил. Да.

Спалился Тотоша по-глупому: напал на енотика. И в глаза глянул. И пропал.

Сам пошёл, сам сдался.

Ну, дело замяли, конечно. Тотошу нашего, как героя войны – расстреляли. Без маналулы то есть. С уважением. А остальных крокодилов – из людей в человекообразные навечно.

Как остальные выживают – про то я не в курсе. Я для себя так решил: раз уж такое дело, нужно такую работу найти, где это не возбраняется. Лучше даже, чтобы поощрялось.

Охранник при вольерах – самое то.

Месяца не проходит, чтобы молоденькое эволюэ не ломанулось мимо старого глупого крокодила в дверь. За забытым пропуском, например. Молоденькие, они часто пропуска забывают.

А у меня – инструкция.

И премию потом дают.

И всем хорошо.

Да.

Четвёртый ключик, разводной

Это в высшей степени возмутительно

Можно читать в любой момент или не читать вовсе – с основным сюжетом эта история никак не связана.

СЮЗИ ФЛОКС. Всё, что вам необходимо знать о московских медведях

Привет! Я – Сюзи Флокс, хемулька. Я торговый представитель сети «Дрэк Анлимитед» в Московии и на Севере в целом уже более десяти лет. Для всех, кто недавно прибыл в Московию или совершает частые поездки туда и хотел бы эффективно использовать все возможности и преимущества этого домена, я написала это руководство.

Здесь основные факты о московских ездовых медведях. Всё, что вы должны знать, прежде чем сесть на спину медведя.

1. Медведи – исторически развитый вид транспорта в Архангельске, Нижгороде, Камыше и в других областях Московии. Это более предпочтительно в зимнее время, чем пешие прогулки и гужевые перевозки. Сугробы, снежные заносы, наледи и другие зимние препятствия легко побеждаются медведями. Весной и осенью (конец июля и первая половина августа) я также рекомендую медведей – особенно в провинции, так как в условиях весенне-осенней распутицы дороги становятся почти непроходимы.

2. Если Вы видите на одной из центральных улиц города свободно гуляющего медведя – это причина адресоваться к полиции. В пределах исторического центра медведи имеют право ожидать седока только на специально оборудованной парковке. С исключением при морозе (от -50 °С и ниже). В мороз медведям разрешено гулять около парковки, не уклоняясь от неё более чем на 150 метров.

Однако никто не осудит Вас, если Вы не станете тревожить полицейских, а просто воспользуетесь медвежьими услугами.

3. У официально зарегистрированного медведя должны быть хорошо видимые значки на фланках в виде небольших паттернов в шахматном порядке (арханг. «клеточки», нижг. «шашечки»), выбитые или нанесённые контрастной краской. Также – ошейник с личным номером и морда установленного образца: с экспрессивной готовностью к услугам и не софистическая (арх. «лихая и придурковатая», нижг. «на простых щцах»).

Зарегистрированный медведь прошёл обучение и знает самые короткие маршруты к любому адресу в городских границах. В случае, когда зарегистрированный медведь был нелюблен к Вам и Вы не удовлетворены качеством сервиса, Вы можете адресоваться в полицию с жалобой. Если Вы только прибыли в Московию и совсем не знаете местность и традиции, зарегистрированный медведь – хорошее решение для Вас.

Однако держите в уме, что поездка на зарегистрированном медведе может быть вдвое или даже в три раза более дорогой, чем на диком.

4. Средняя скорость медведя с нагрузкой в центнер: шагом – 1 км в течение десяти минут, на рысях – 1 км в 5 минут, намётом – 1 км в 3 или даже 2 минуты. Медведь не может бежать намётом больше чем 7–8 км. Движение карьером – 1 км в течение минуты (60 км за час) на хорошей дороге, не больше, чем 2–3 км с обязательным отдыхом.

Медведь способен плыть в воде любой температуры с грузом до 200 кг на его спине. Максимальная скорость плавающего медведя в тихой воде без сильного течения – 5 км/ч. В

случае заранее известной потребности форсировать водные барьеры рекомендую нанять белых медведей.

5. Не предлагайте деньги медведю! Медведи не понимают или не признают товарно-денежных отношений. Держите в уме: ПО медведя редко превышает 50, а вес может достигать 700–800 кг, поэтому вступать с ним в дискуссию по этому поводу неблагоприятно. Используйте традиционные средства оплаты.

6. Наиболее распространенные официальные тарифные планы. (В разных частях Москвы они могут различаться, но незначительно.)

Эконом (арханг. «прогулочный», нижг. «как обычно»). Медведь не согревает, не развлекает всадника, не предоставляет другие услуги. Аллюр – шаг и рысь. Тарификация по длине пробега. Минимальный заказ: 400 гр. В пределах города – 22 гр. за км пробега, простой 10 гр./мин (в морозы – 20 гр. за мин плюс 1 гр. сверх того за каждый градус ниже -70°C). Вне города – традиционная наценка в зависимости от местности и качества дороги. Водные барьеры – по соглашению.

Бизнес (арханг. «быстро», нижг. «с ветерком»). Медведь греет всадника, информирует о новостях и рассказывает свежие шутки. Аллюр – рысь и намёт, карьер по согласию за особую плату. Тарификация по времени. Минимальный заказ – 750 гр. В пределах города – 750 гр. в час, далее оплата по 20 мин. Простой 20 гр. за мин (в морозы – 30 гр. за мин плюс 3 гр. за каждый градус ниже -70°C). Вне города – традиционная наценка в зависимости от местности и качества дороги. Водные барьеры – по соглашению.

Элит (арханг. «лакшери», нижг. «по полной программе»). Согревает всадника, новости и свежие анекдоты, консультации по городской истории, учреждениям и местам досуга, поёт, пляшет, услуги банщика, общий массаж, внешний массаж простаты (для самцов), куни (для самок), классика, анал, лёгкая доминация. Максимальный аллюр – карьер. Тарификация по времени. Минимальный заказ – литр. В пределах городской черты – литр в час, далее оплата по 20 мин, с учётом простоя. За городской чертой – традиционная надбавка в зависимости от удалённости и качества дороги, включая водные преграды.

Я рекомендую тариф *бизнес*, особенно в зимнее время. Высокая температура от тела медведя драматически увеличивает комфорт поездки. Последние городские новости также могут быть важными. Если возникнет потребность в дополнительных услугах, поговорите об этом с животным по пути.

7. Зарегистрированный медведь подчиняется правилам и платит городу налог в форме общественных работ. Поэтому он не настроен на сокращение вознаграждения. Торговаться с ним не стоит Вашего времени.

Если вы нанимаете дикого медведя, торгуйтесь за оплату сервиса. Обычная схема: Вы предлагаете в пять раз меньше его предложения и затем медленно увеличиваете сумму приза за счет различных условий. Считается неплохим результатом, если Вам удалось сбить цену дважды, хорошо – в три раза. Попросите, чтобы друг-москвит учил Вас торговаться с медведями. Учтите, медведи безошибочно и очень быстро производят вычисления в уме. Улучшайте свои навыки устного счета.

Даже не думайте обмануть медведя про его оплату! Это – худшая идея, которая может возникнуть у вас! Медведи обладают экстремально развитым обонянием и ещё более развитым чувством справедливости. Недолив, низкосортный продукт или попытка обмануть при расчёте могут стоить вам репутации и здоровья.

8. Не пытайтесь предложить медведю джин, текилу, ром и иные напитки, отличающиеся от классической московской водки. Не предлагайте водку менее качественную, чем государственная водка Capital. При сомнениях спрашивайте у местных жителей, какая водка хорошая для медведей.

Москвиты часто используют самогон для оплаты медвежьих услуг. Я не рекомендую Вам это, если Вы не эксперт в самогонварении.

9. Наливайте медведю тщательно и осторожно. Удобно использовать мерный стакан или готовую матрешку с водкой. Вы можете также заплатить медведю сгущённым молоком из расчёта «поллитра водки – банк сгущённого молока». Не предлагайте поняшней сгущёнки, медведи не любят запах пони. Также держите в уме: благодарный медведь, съевший сгущённое молоко и загрязнивший морду, может поцеловать Вас, и Вы будете запачканы также. Более разумно использовать термически обработанное сгущённое молоко («варёнка»), которое намного безопаснее в этом отношении.

10. Обычная схема оплаты: 50 % депозит, поездка, 50 % окончательный расчет, бонус. Минимальным бонусом медведи считают чесание шеи, спины и флангов. Чешите сильно, доставая до кожи. Медведь не чувствует легкую ласку! Закончите чёску после второго или третьего удовлетворённого звука («порывания») животного.

Не касайтесь живота или интимных частей медведя и не совершайте манипуляций с его гениталиями! Медведь воспринимает это как предложение заняться сексом здесь и теперь. И отрицательная, и положительная реакция медведя может быть разрушительной для Вас.

11. Не пытайтесь использовать седло, стек, удар плетью, шпоры и другие инструменты, ограничивающие движения животного и причиняющие боль! Попытка взнуздать медведя может вернуться Вам нетрудоспособностью, травмой или даже смертью, если только медведь не боевой и не приучен к удилам.

Однако медведи лояльны к подпихиванию боков валенками, чунями и другой мягкой обувью. Я обычно использую валенки или угги. Но самый надёжный путь – просто сообщить животному о желательном маршруте и в дальнейшем корректировать его голосом.

12. Если Вы наняли дикого медведя. Чтобы доехать к адресу, необходимому для Вас, сообщите медведю точный маршрут – последовательность улиц со всеми поворотами – или управляйте им. Но даже самый дикий медведь знает путь к наиболее посещаемым городским местам. Самый удобный и надёжный путь: сообщите медведю ориентир, известный ему (например, исторический памятник, популярный ресторан, концертный холл, ночной клуб и т. д.), и после достижения этого места тщательно направляйте его к своей цели.

13. Вопреки широко распространенным легендам медведи обычно не владеют балалайкой из-за непрактичности передних лап и отсутствия музыкального образования. Но они хорошо танцуют и с сильным чувством поют священное караоке и современные популярные песни также. Сначала это может быть необычно для Вас. Но это действительно хорошее средство для отдыха, и с течением времени Вы, скорее всего, полюбите это.

Если Вы планируете использовать медведей только с этой целью, изучите условия. Они обычно благоприятно отличаются от ездовых тарифов. Самый широко распространенный договор для долгого отдыха – *эксклюзив* (арханг. «до упаду»): полтора литра каждому медведю и до полного истощения сил животного. Вы можете уверенно рассчитывать на четыре-пять часов фана.

14. Медведи дружелюбны, лишены предубеждений и охотно вступают в интимные связи с существами всех основ. Однако заняться сексом с медведями в принимающей роли, если Ваш вес не превышает 350 килограммов – плохая идея. Так же и относительно массажа. Если Вы всё-таки намереваетесь рискнуть – проконсультируйтесь с местным жителем и попробуйте следовать его рекомендациям.

Я иногда беру куни с медведями. Это хорошее решение, при отсутствии других. Медведи прилежны, выносливы и никогда не говорят: «Я устал от этого». Я встречала мнения, что язык медведя слишком грубый. Это неправильно. Просто скажите ему «более мягко, мишка».

Я не эксперт в области активного секса с медведями. Но по словам лиц, заслуживающих доверия, молодые медведи обоих полов могут быть очень горячими. Если вас не смущает

специфический запах и сильные сокращения, попробуйте это. Однако не забывайте просить сначала освободить кишечник и мочевой пузырь, чтобы избежать неловких моментов. Медведи воспринимают эти просьбы адекватно.

Оплата сексуальных услуг может существенно отличаться. Узнайте у своего друга-москвича, сколько стоит удовольствие, интересующее Вас. Если вы не имеете эту возможность, возьмите зарегистрированного медведя по тарифу «эксклюзив».

Если Вы хотите что-то специальное, сначала обсудите это с медведем. Любые предложения допустимы, но «нет» значит «нет». Не настаивайте. Также не забывайте: насилие над медведем – самая худшая идея, которая может быть.

Важно! После секса поцелуйте медведя и почешите его. Они ценят это.

15. Медведи могут отводить взгляд другим существам. Обычно они используют эту способность, чтобы избежать контактов с полицией, налоговыми инспекторами и другими представителями властей. Однако они могут сделать то же самое относительно неприятного или имеющего плохую репутацию клиента.

Если вы не видите на улицах московского города медведей, подумайте почему. Скорее всего, вы позволили себе москвофобские высказывания. Медведи – патриоты своего домена и обладают прекрасным слухом. Попросите помощи у вашего друга-москвича, он поможет решить проблему. Скорее всего, он порекомендует вам посетить любой исторический памятник и оставить рядом с ним матрёшки с водкой. Одну или больше.

Если Вы и после этого не будете видеть на улицах медведей – возможно, медведи считают вас нежелательным клиентом или агентом тайной полиции. Также возможно, что Вы, по их мнению – непозитивная индивидуальность (арханг. «мудак», нижг. «опездол»). В этом случае Вам стоило бы изменить что-то в себе или в отношении к миру.

Узнайте больше о возможностях медведей и о жизни в Московии из книги Сюзи Флокс «Московия для чайников»! Книга запланирована к выпуску в 315 г.

Встречайте книгу Сюзи Флокс во всех книжных лавках!

Предварительные заказы принимаются по следующим адресам:

ООО «Хемуль», г. Дебет, проспект возлюбленной вриогидры Морры (на углу 3-го Платёжного проезда), генеральное представительство издательства «Сенбернар, Занненхунд и Ретривер».

ООО «Хемуль», г. Сальдо, ул. Большая Инвестиционная, собственное представительство издательства «Сенбернар, Занненхунд и Ретривер».

ООО «Хемуль», г. Нетто, пер. Визуального Мерчендайзинга, дирекция издательско-распространительского центра «Снусмумрик и падчерицы».

Эквестрия, Понивилль, отель «Буккаке», 2-й этаж, представительство издательства «Сенбернар, Занненхунд и Ретривер».

«Сенбернар, Занненхунд и Ретривер» – лучшие книги за лучшую цену! Будьте в тренде – оставайтесь с нами.

В редакцию издательства «Сенбернар, Занненхунд и Ретривер»

Милостивые государи!

Прежде всего: благоволи́те прочесть моё послание до конца и весьма внимательно. Меня уже осведомили в том, что лица вашей профессии редко читают письма, содержащие более двухсот слов кряду; однако же это в наших общих интересах, а по здравому суждению – скорее даже в ваших, нежели в моих собственных.

Не имею чести знать кого-либо из вас лично, хотя и был некогда знаком с Иосифом Григорьевичем Ретривером, – каковой, насколько мне ведомо, приходится одному из вас двоюродным дедом. Иосиф Григорьевич был замечательнейшим, культурнейшим существом, умницей, эрудитом, завзятым театралом и балетоманом. Я пребываю в совершенной уверенности, что

в намечающемся между нами деле Иосиф Григорьевич решительнейше принял бы мою сторону... *Ceterum censeo*: ежели я соберусь когда-либо поведать о своих знакомствах старых лет, то, верно, приищу себе более благодарных читателей.

Так или иначе, я вынужден представиться сам. Нарушением принятых в обществе обычаев это никоим образом не является, ибо меня к тому понуждает настоятельная необходимость получить удовлетворение за понесённый мною – и не только мною, но и множеством невиннейших читателей! – ущерб.

Itaque. Я – Платон Ефремович Голохвастов-Нащокин, породный московитский боярин. Имею честь пребывать урождённым Ондатром и никогда не переменял свою основу, равно как и мои родители и весь род наш. Моё время безценно для меня, да и ваше, мною, тоже чего-нибудь да стоит. Посему не буду расточать попусту мгновения, описывая *ab initio* историю своего семейства, весьма прихотливую и притом многопоучительную. Ежели вам будет благоугодно справиться, вы без труда обнаружите все необходимые сведения в XI выпуске «Боярского Летописца» а. н. СХХVIII, в котором содержится статья, целиком посвящённая нашему роду, написанная прилежно и с должным чувством – в отличие от вашей, если можно так выразиться, продукции.

Покамест с вас довольно будет и того, что я – крупный землевладелец и обладатель весьма значительной недвижимости в нескольких высокопочтенных доменах, в том числе и на своей Родине, в Московии, где моей семье вот уже скоро как восемьдесят лет принадлежит, помимо прочего, знаменитый Заволбуйский медвежий завод.

Здесь же, в Хемуле, я уже одиннадцать лет кряду возглавляю Добровольное Общество Медведоводов и Ценителей верховой езды на медведях (ДО МиЦВЕМ). Общество существует весьма давно, и среди его членов – в высшей степени уважаемые существа. *Exempli gratia*, в нём со дня основания состоит негодичант Авгий Настурций Рейсфедр, о размерах состояния коего вы, полагаю, наслышаны. Также в Правление Общества входят братья Ристофоры, Ширин и Вырин, владельцы юридической практики с безупречной репутацией – с каковою практикою вы, ежели не проявите должного благоразумия, ещё можете свести близкое, хотя и весьма обременительное и даже разорительное для вас знакомство. Наконец, членом Общества является г-жа Цыбуля Зусь-Худодотовна Лотерейчик, имеющая (как вам, уж верно, известно) весьма ощутимое влияние на политику нашего домена в области лицензирования издательской деятельности. Отдельно отмечаю, что все вышеуказанные лица – и далеко не только они одни! – уже ознакомлены с черновым вариантом моего письма и позицию мою всецело одобряют и поддерживают.

Теперь, наконец, о причинах, побудивших меня взяться за перо.

Не столь давно я заезжал в Дебет по собственным обстоятельствам и, отдохновения ради, а также из желания приобщиться к новинкам культуры, посетил ваш фирменный книжный магазин на Высокоодоходной улице, 13. Должен сразу сказать, что я остался совершенно не удовлетворён ассортиментом и качеством предложения. В конце концов, после долгих бесплодных созерцаний, моё внимание привлекла брошюра некоей Сюзи Флокс, выпущенная Вашим издательством. Она несла на себе помету «Для чайников», что на современном вульгарном языке обозначает то, что ранее именовалось «*ad usum Delphini*», то бишь краткое и оттого неизбежно поверхностное, но всё-таки претендующее на практическую ценность изложение некоего предмета. Я, разумеется, не стал бы проявлять излишнего интереса – тем паче критического – к подобному опусу, если бы не заявленная в заголовке тема – «Всё, что вам необходимо знать о московитских медведях». Зная по горькому опыту, насколько часто современные авторы искажают и упрощают многие пункты, связанные с данной темой, я всё же приобрёл её и потратил время на ознакомление с указанным сочинением.

Увы! Действительность далеко превзошла мои самые худшие опасения!

Начну с самой брошюры. Её содержимое – коему будет посвящено всё то, что я скажу ниже – незначительно даже по объёму. Однако благодаря издательским ухищрениям это ничтожное содержание, кое вполне уместилось бы в четыре или пять страниц, набранных десятком кеглем, растянуто ни много ни мало на двадцать страниц немалой величины! Такой удивительный результат достигнут благодаря нарочитому увеличению шрифта, как бы незначительному, но крадущему драгоценное место расширению межстрочных интервалов, хитростями с кеглем, огромными полями, но самое главное – помещением под каждым пунктом брошюры рисунков, как бы иллюстрирующих содержание оных пунктов. Все эти рисунки не являются авторскою работою, а взяты безо всяких изменений из книги «Быт и нравы современной Москвы», имеющейся в моей личной библиотеке в двух изданиях. Книга эта, некогда изданная без указания авторства ныне покойным издательством «АСТ» – кое, насколько мне ведомо, было приобретено вашей издательской группой? – являет собою настоящую энциклопедию ошибок и заблуждений, связанных с Москвией. Я даже был вынужден дважды обращаться в судебные инстанции, чтобы защитить честь и достоинство своей Родины, и выиграл оба процесса. Замечу, что мои претензии касались не только текста книги, но и иллюстративного материала, зачастую фантастического и притом оскорбительного. Так вот, одна из иллюстраций, упомянутых мною в моём старом судебном иске, использована и в данной брошюре. В «Быту и нравах...» она имела подпись «Медведей гонят на вечернюю дойку», а в брошюре г-жи Флокс не имеет никакой подписи, но размещена на странице 4 под пунктом 1, повествующем о медведях как «виде транспорта». Всё же напоминаю вам, что воспроизведение данного изображения или его существенных частей навеки возбранено судом первой инстанции г. Дебета, каковым фактом я никоим образом не намерен пренебречь. Что касается прочих иллюстраций, то семь из них вообще никак не соотносятся с текстом, а представляют собою картины жизни Московии, на коих даже не присутствует самый предмет обсуждения, а именно медведи. На остальных семи медведей можно разглядеть, но вот чего разглядеть решительно невозможно – так это какой-либо осмысленной связи с содержанием брошюры!

Вы, конечно же, возразите на это, что нет закона, препятствующего издательству иллюстрировать выпускаемые им книги *ut voles*, не сообразуясь ни с чем, даже со здравым смыслом. Также нет никаких законосообразных ограничений на выпуск книг, набранных любым кеглем, с любыми полями *etc.* Увы, это так, посему я и не выдвигаю претензий к оформлению изданного вами опуса. Впредь я намерен сосредоточить внимание только и исключительно на содержании его.

Чтобы опять же сберечь время, начну с конца, а именно с вердикта, который я после продолжительных раздумий вынес данному произведению.

Сочинение г-жи Флокс являет собою совершеннейший образчик того, что я называю сущностною неправдою. Под этим я разумею создание ложного впечатления, создаваемого не прямым – и потому легко опровергаемым – искажением действительного положения дел, но иными средствами, то бишь умолчаниями, сокрытием важнейших обстоятельств, ложными намёками и иными приёмами, извлечёнными из неистощимых кладовых Невежества и Клеветы. Прямой, судебно-осуждаемой лжи г-жа Флокс избегает (кроме двух утверждений в самом начале, коим я уделю особое внимание), но *in toto* её писанина более вводит в заблуждение, нежели просвещает читателя. Иначе говоря, сия брошюра – ещё один типический пример так называемой «клюквы», то есть ложного и обманного сочинения о московитских делах, написанного невежественным и предубеждённым иностранцем.

Прежде чем мы продолжим, настоятельно требую от вас освежить в памяти обсуждаемый текст, а лучше – положить его прямо перед собой и справляться по ходу чтения. Иначе вы, возможно, не поверите тому, что я намерен вам поведать. Таким образом, вы и я напрасно потеем время, а вам всё равно придётся разбираться в этом деле: *ducunt volentem fata, nolentem trahunt*. Лучше потратить немного умственных сил сейчас, чем много – после.

Начну, пожалуй, вот с чего.

Всё, что написала г-жа Флокс в своей брошюре, наводит читателя на мысль, что московские ездовые медведи являются чем-то вроде общественного транспорта и таковыми были всегда. Более того, создаётся впечатление, что медведи обитают в Московии как бы сами по себе, будучи чем-то вроде общественно-терпимой джигурды, то бишь дикого электората, не имеющего постоянного хозяина. Разумеется, подобное нигде не высказывается прямо, но из её слов, по существу, картина вырисовывается именно такая.

Однако это вовсе ложно! Да будет вам известно, милостивые государи, что ездовые медведи испокон веку были законной частной собственностью уважаемых московских семейств. В таковом состоянии они – по большей части – пребывают и по сей день. Исключение составляют медведи государственные, обыкновенно приписанные к Министерству Путей Сообщения. Этих-то скромных тружеников г-жа Флокс именует «официально зарегистрированными». Здесь есть оттенок неправды формальной, так как подобное выражение в Московии совершенно неупотребительно. Но гораздо важнее неправда жизненная, обнаруживающаяся далее. Ибо г-жа Флокс, говоря о «зарегистрированных» медведях, берёт такой тон, будто бы они являются своего рода вольными предпринимателями, как бы имеющими от государства некое разрешение или лицензию на своё ремесло и платящими налоги своим трудом. Опять же, это нигде не утверждается прямо, но именно такой образ возникает в сознании читателя.

Нет ничего более далёкого от истины! В другом месте сочинительница – здесь это слово в высшей степени уместно! – сама же и признаёт, что ПО медведя редко превышает пятьдесят пунктов. Это, кстати, тоже лукавство, так как встречаются медведи с весьма высоким интеллектом, достигающим восьмидесяти и выше. Однако! В Московии прямо запрещена всякая самостоятельная коммерческая деятельность для существ с ПО менее ста пунктов. Кстати сказать, я считаю сие совершенно разумной – и даже весьма недостаточной! – мерою, коя загодя ограждает цивилизованных приобретателей от соприкосновения с жадной до денег сворой умственно и нравственно неполноценных существ, предлагающих заведомо негодные товары и того же качества услуги. Per viam, я, по ряду обстоятельств вынужденный покинуть родную Московию, предпочёл поселиться в Хемуле, известном своей высокой культурой коммерции, чтобы только не досадовать попусту о скверных сервисах и товарах, поставляемых в иных доменах всяческими духовно- и умственноограниченными субъектами.

Но это в сторону. Существенно же для нашего дела лишь то, что медведи в Московии не имеют никаких прав на самостоятельное предложение услуг и трудятся на общественной ниве исключительно иждивением своих владельцев и Министерства.

Что же касается упоминаемых г-жой Флокс «налогов», то речь идёт о самой обыкновенной работе, которую они обязаны исполнять в качестве электората. Каковую работу в Московии зачастую именуют «барщиной» или же «оброком». Вероятно, г-жа Флокс, для которой Русское наречие, верно, не является прирождённым, – о чём я ещё упомяну особо, – спрашиваясь о значении этого слова не у местного жителя, но в каком-либо словаре или справочнике, вероятнее всего Английском, где оные слова толковались как *gavel work*. Сие выражение невежественная Флокс, не довольная просвещённая своею настоящей родительницею – о какой она, несомненно, предпочитает вспоминать как можно реже! – поняла как «обязательные работы». Это выражение она, в свою очередь, превратно истолковала как работы общественные. В каком-то смысле это даже и верно, ибо труды электората, пребывающего в собственности государства, и впрямь направлены на общее благо. Но г-жа Флокс берёт это значение в узком смысле и тем самым совершенно искажает самый образ реальности.

Проследуем далее. Изучив сочинение г-жи Флокс, читатель остаётся при том мнении, что медведи работают за плату, вполне покрывающую их обычные потребности. То есть, проще говоря, создаётся впечатление, будто медведи буквально питаются водкой (и, может быть, редким глотком сгущёнки). Как медведезаводчик говорю вам: это совершеннейшая реникса, несущая

светная гиль, иными словами – полная чепуха! Да будет вам известно, что взрослый медведь за день поглощает около двадцати килограммов разнообразных кормов. Сие изобилие едovому медведю может обеспечить только его законный хозяин, а никак не случайные клиенты! Водка и сгущёнка – это лакомства, то бишь приятные добавки к рациону. Не скрою, что такие добавки могут быть не только желанны, но и необходимы, ибо организм медведя весьма охотно поглощает быстроперерабатываемые углеводы. Но держать медведя на подобном рационе сколько-нибудь долгое время – немыслимо! Это приведёт к истощению и гибели зверя.

Если вы читали предыдущие части моего письма достаточно внимательно (о необходимости чего я предупреждал в самых первых строках), то, верно, зададитесь вопросом: почему же медведи вообще работают? Здесь нет никакого секрета. Они делают это с позволения и даже по понуждению своих законных хозяев.

Связано это с тем немаловажным обстоятельством, что едovый медведь, дабы пребывать в должной форме, должен пробегать не менее десяти километров в день, а лучше более. Длительное коснение в праздности приводит к тому, что медведь теряет стати, начинает копить жир и через двадцать-тридцать дней впадает в спячку. Поэтому медведя непременно надобно *гонять*, как выражаются заводчики и медведевладельцы. Более того, весьма желательно гонять медведей с грузом, что способствует укреплению костяка и мышц. Посему медведевладельцы, когда они не намерены занять своих зверей собственными нуждами, охотно отправляют их в город, где они и трудятся, принося обществу удобство, себе пользу и удовольствие сразу, своим же хозяевам – честь, а также и сокращение расходов на пропитание животных. В целом же сие является примером гармонии частных интересов, совместно порождающих общее благо.

Здесь, пожалуй, самое время упомянуть ещё один вздорный миф, выползший из-под непомерно бойкого пера г-жи Флокс. Справедливо заметив, что медведи не берут за свои услуги денежную плату и даже её отвергают, она сделала из этого вывод, будто бы «медведи не понимают или не признают товарно-денежных отношений». Меж тем, я уже упоминал выше, что коммерческая деятельность для существ с ПО менее ста пунктов в Московии прямо и недвусмысленно воспрещена. Разумеется, оказание услуг в обмен на денежные знаки является типичнейшим случаем коммерции. Потому-то хозяева строжайше наказывают медведям, чтобы те не брали денег от седoков, ибо за этим может последовать разбирательство, а там и наказание, и весьма ощутительное. Кстати замечу, московитские городские власти регулярно учиняют проверки, призванные выявить небрежность или прямое ослушание в этом вопросе. В этом истина. Предположение же г-жи Флокс, что медведи не понимают сути отношений *do ut des*, совершенно ложно, да и нелепо. Она сама же и отмечает, что медведи прекрасно считают в уме. Скажу более – они весьма способны к бухгалтерским операциям. Мой медведь-секретарь Ибрагим легко удерживает в голове множество приходно-расходных статей и ведёт калькуляцию, в каковую до сих пор не вкралось ни единой ошибки.

Теперь перейдём к теме едovых свойств медведя. И здесь г-жа Флокс умудрилась всё запутать и исказить до полной непонятности. На сей раз причина оскорбительно ясна. Весь пункт четвёртый, где повествуется о скорости, развиваемой медведем разным ходом, начисто переписан – кроме последней фразы – из хорошо известного сочинения князя В. В. Разо-рваки-Стремидловского об аллюрах. Оно имеется в любой приличной библиотеке; сведения, о которых идёт речь, приводятся на странице 43 (первого издания) или 45 (третьего издания и далее).

Я с глубочайшим уважением относился к Владимиру Владимировичу. Это был аристократ высочайшей пробы, прекраснейший образчик своей благородной основы. Он был последним – увы! – потомком древнейшего княжеского рода амурских бабров. По преданию, первый в роду появился ещё до Хоmokоста, будучи сыном знатной тигрицы Илоны и самодержавного правителя древней России Владимира Владимировича, в честь коего все потомки по мужеской линии получали имя Владимир. Не знаю, насколько сия поэтическая легенда сообразуется со

строгой исторической истиною; однако во Владимире Владимировиче и впрямь было нечто царственное. До сих пор помню его великолепно ухоженную шкуру, глубокие пронизательные глаза, знаменитые чёрные полосы на лбу и истинно тигриные движения.

Увы, *non omnia possumus!* Совершенство нам не дано, даже лучшим из нас. Посему добрые и прекрасные качества его, как это обыкновенно бывает, имели своё продолжение в качествах менее добрых и отнюдь не прекрасных. В частности, князя отличало своего рода презрительное упрямство и крайняя категоричность в суждениях. Встав один раз на некую точку зрения, хотя бы и неверную, Владимир Владимирович продолжал на ней настаивать даже вопреки согласному мнению знатоков, да и самой истине. Именно это злосчастное свойство его и погубило.

Имея от основы необходимость в мясной пище, князь увлёкся идеями Вегетарианства в самом крайнем и наирадикальнейшем их варианте, и занемог от питания жмыхом и молотым горохом, совершенно чуждыми его телесному устройству. Врачи не смогли спасти его, ибо он отвергал даже грибок-тофель и морквяной сок со сливками! Впрочем, и это в сторону. Для наших целей достаточно заметить лишь то, что далеко не все страницы сочинения князя обладают равной ценностью. Связано это с тем, что кн. Разорваки-Стремидловский в своих построениях исходит из неверной посылки. А именно – он принимает за образец систему конских аллюров и подгоняет под неё все остальные системы. Это совершенно искусственное построение значительно снижает ценность данного труда. Даже потаскунчики, близкие к ослам, но обладающие своеобразием движений, в эту систему не вписываются. Что уж говорить о медведях, с их совершенно иным устройством тела и своеобразными ходами лап!

Да будет вам ведомо, что никакого «шага», «намёта» или там «карьера» медведь не знает! Существует всего три медвежьих аллюра: розвальцы, рысца и собственно бег – или, как выражаются опытные ездоки, «нырки».

Путешествие на розвальцах не имеет большого смысла, так как медведь идёт не быстрее пешехода, если таковой не брюхоног по основе. Обычно на розвальцах движутся вьючные медведи, несущие грузы. *Supra*, нырки. На нырках медведь и впрямь развивает до шестидесяти километров в час и даже сверх того. Однако удержаться на медведе, бегущем нырками – настоящее искусство, доступное не всякому урождённому москвитю, не говоря уж об иностранцах. Его *ipso* медведи обыкновенно передвигаются по городу рысцой, что весьма удобно и медведю, и седоку. Но даже быстрая рысца медведя требует от седока известных навыков, о которых в сочинении г-жи Флокс почему-то не сказано ни единого слова. Особенно это удивляет в связи с заявленной сочинительницей претензией на хемульскую основу. Общеизвестно, что хемули – существа выдающиеся во многих отношениях, прежде всего интеллектуальном, однако же они несколько неуклюжи и испытывают затруднения с поддержанием равновесия. Похоже, что г-жа Флокс или никогда не подымалась на медведя, либо её притязания на хемульство неосновательны. Эту дилемму я разрешу далее в пользу второго предположения.

Кстати отметим и это. Выражение «сесть на медведя», которое сочинительница разбираемой брошюры употребляет безо всякого смущения, в Московии совершенно не принято. На медведя не *салятся*, как на лавку или на лошадь; на медведя *подымаются*. Впрочем, сочинительница может отговориться незначительностью этого момента на фоне иных, сообщаемых ею более полезных сведений.

Обратимся же в таком случае к ним.

Смысловым центром и наиболее важной частью брошюры является описание так называемых «тарифных планов», с подробнейшей, до грамма, росписью угощений и поощрений, якобы положенных медведю в обмен на предоставляемые ему услуги. Вначале я, признаться, принял всё это за фантастические измышления. Дело в том, что я, коренной природный Москвит, до самого своего отбытия из родных краёв не только сам не сталкивался ни с чем подобным, но и ничего не слышал о подобной, так сказать, практике. Цена поездки всегда устанав-

ливалась в ходе свободного торга между нанимателем и медведем, с учётом установившихся на сей счёт обычаев. И хотя, на мой прикид, за указанные у г-жи Флокс блага и впрямь можно получить обозначенные услуги, но сама идея каких-то там «тарифов» показалась мне совершенно безумною, даже бредовою.

Спервоначала я намеревался попросту отнести эти диковинные рекомендации к прочим *curiosa*, на кои этот небольшой текст так богат. Однако присущая мне научная добросовестность побудила меня навести справки, в том числе и среди членов Общества. К моему удивлению, не кто иной, как г-н Рейсфедр сообщил мне, что до него доходили подобные слухи о «тарифах», и пообещал мне предоставить точную справку в самое ближайшее время. Разумеется, он это исполнил, и открылась истина – столь же смешная, сколь и неприглядная.

Именно же: руководство нескольких торговых компаний, в число которых входит и «Дрэк Анлимитед» (бывш. «Юниверсал Трэш Ворлд», переименовавшая имя из-за дурной деловой репутации), имеющих представительства и торговые интересы в Московии, столкнулись с тем, что их сотрудники взяли привычку предоставлять раздутые и завышенные суммы трат, какие руководство обещало им компенсировать. В частности, безстыдно завышались расходы на поездки. Выходило так, как будто бы мишек поят марочным коньяком вёдрами и бочатами!

Чтобы пресечь сию мошенническую практику, оные компании выработали те самые «тарифные планы», которые и объявили своим сотрудникам как подлежащие компенсации. То бишь: ежели некто указывал, что доехал на медведе от своего дома до представительства компании и иных услуг не заказывал, ему компенсируют это по плану «Эконом». Для руководящих работников доступна компенсация по планам «Бизнес» и «Элит». Но всё это касается только и исключительно сотрудников данных компаний, жадных и нечистых на руку!

Правда, по словам информаторов г-на Рейсфедра, медведи в Архангельске и Нижгороде уже заучили эти курьёзные «тарифы» наизусть. Так что достаточно сказать медведю «Эконом» и назвать маршрут, и он быстро и добросовестно исчислит, какое угощение ему за это причитается.

Однако – к чему потворствовать подобной извращённой практике? Не проще ли, не честней ли было со стороны составительницы данного пособия просто-напросто указать приблизительный уровень цен за каждую услугу и наиболее распространённые форс-мажорные ситуации? Это было бы полезным подспорьем для начинающего ездока. Но, увы, этого нет и близко. Так: почему не указаны расценки за обычные в пути трудности? Например, за попадание в снежный буран и передвижение в нём с седока по обычаю медведь ждёт дополнительного стака́на водки. За падение же седока, произошедшее по вине медведя, цена путешествия, напротив, снижается в половину от договорённой. Знать заранее подобные моменты гораздо важнее, чем заучивать нелепые «тарифы».

Кое-как завершив с самыми очевидными несообразностями, перейдём к вопросам частным. Ради вашего же удобства, господа, я буду следовать как бы по стопам сочинительницы брошюры и разбирать её утверждения примерно в том порядке, в котором она их высказывала. Исключение – первый абзац, разбор коего я совершу в самом конце настоящего письма.

Пунктум первый. Я уже потратил довольно слов, чтобы изъяснить, какую ложь заключают в себе невинные вроде бы слова «Медведи – исторически развитый вид транспорта...» etc. Этого вопроса я касаться более не намерен, считая, что прояснил его довольно. Но далее начинается нечто нелепое уже в плане фактическом.

Так, она перечисляет московитские города. Первые два – Архангельск и Нижегород – хотя бы названы правильно. Но далее на третьем месте идёт некий город Камыш, неизвестный даже мне. Что есть сие – Камыш? Спервоначалу я подумал, что это какая-то деревенька, мимо которой случилось проехать г-же Флокс в её путешествиях по нашему краю. Однако почему она совершенно не знакома мне? Я даже потратил два соверена и пятьдесят четыре сольдо и приобрёл справочник по современной Московии, изданный иждивением торгового дома «Тофсла

и Вифсла». (Напоминаю, цена вашей брошюры – два сольдо, и я нахожу её чрезвычайно завышенной, так как пользы от неё нет ни на грош.) В этом издании, высокополезном и тщательно подготовленном, я обнаружил в списке населённых пунктов село Камышки, однако с пометой – «переименовано в Окатыши». Также я обнаружил деревню Мышка и посёлок Крым-наш. Оба эти населённых пункта никак не тянули на город, достойный упоминания после двух наших блестящих столиц.

Я опять же поделился своим затруднением в Обществе. На сей раз мне оказала посильную помощь г-жа Лотерейчик. Она попросила меня перечислить крупные московитские города, что я и сделал; когда дело дошло до города Тулы, Цыбуля Зусь-Худодотовна щёлкнула клювом и сообщила, что на английском слово *tule* – это особый вид тростника, то бишь камыш. По всему видать, г-жа Флокс в самом городе не была, а наводила какие-то справки у третьего лица, от которого и услышала про Тулу, каковое название и отложилось в её голове в спонтанном переводе на её прирождённый язык.

Чуть ниже я обнаружил *lapsus linguae* ещё постыднее. Старинное архангельское слово «распутица», обозначающее дурное состояние дорог, г-жа Флокс приняла за слово «распутница», нижегородское, обозначающее легкомысленную и похотливую особу, разворотившую свои интимные проходы частыми совокуплениями с существами, не подходящими ей по размеру. Как истолковать сию оговорку г-жи Флокс, не предположив при том ничего дурного ни о её уме, ни о чести – это я, судари мои, оставляю на ваш безпристрастный суд.

Пунктум второй. В этом пункте г-жа Флокс пишет буквально вот что:

«Если Вы видите на одной из центральных улиц города свободно гуляющего медведя – это причина адресоваться к полиции. В пределах исторического центра медведи имеют право ожидать седока только на специально оборудованной парковке. С исключением при морозе (от -50 °C и ниже). В мороз медведям разрешено гулять около парковки, не уклоняясь от неё более чем на 150 метров».

Тут я даже и не знаю, с чего и начать, настолько в ложном свете предстаёт перед нами дело, при всей внешней справедливости сказанного.

Суть вся в том, что в полицейских установлениях, на кои ссылается г-жа Флокс, под «свободно гуляющим медведем» понимается вовсе не медведь, имеющий хозяина, но идущий по каким-то делам без седока. Нет! Никто не может ограничить право авторитета обременить свой электорат любой работой, в том числе и производимую без непосредственного присмотра. Так что под «свободным медведем» понимается самая обыкновенная джигурда, временами забредающая в черту города в поисках пропитания. Разумеется, таковая подлежит отлову, что и совершается силами полиции.

Однако обычный медведь без седока, следующий по хозяйским делам – или к той же остановке, которую г-жа Флокс почему-то предпочитает именовать «парковкой», – совершенно свободен от каких-либо посягательств. От настоящей джигурды он отличается наличием попоны, кольца в носу, а самое главное – ухоженным видом. Ошибиться здесь совершенно невозможно; однако г-же Флокс удалось и самой впасть в заблуждение, и ввести в него читателей.

Что касается остановки и правил поведения на ней, то хотя бы в этом вопросе г-жа Флокс не допустила ошибок. Это прямо даже удивительно, учитывая общее впечатление от её труда.

Пунктум третий. Наша сочинительница пишет здесь буквально следующее:

«У официально зарегистрированного медведя должны быть хорошо видимые значки на фланках в виде небольших паттернов в шахматном порядке (арханг. „клеточки“, нижсг. „машечки“), выбритые или нанесённые контрастной краской. Также – ошейник с личным номером и морда установленного образца: с экспрессивной готовностью к услугам и не софистическая (арх. „лихая и придурковатая“, нижсг. „на простых щцах“).

Будучи природным Русским Ондатром, я вовсе не смыслю, что значат все эти «фланки» и «паттерны» и по какой же такой причудливой причине медвежья морда может быть поименована «софистической». Но, верно, все эти слова чего-нибудь да значат; вообще же, о языке, коим написана брошюра, я скажу в завершении сего письма. Покамест обратимся к смыслу сказанного, сколько возможно его разобрать.

И опять мы видим смешение всего со всем! Так называемые «клеточки» или «шашечки» есть принятая в Московии эмблема Министерства Путей Сообщения. Принадлежащие ему медведи в самом деле носят ошейник с бляхою. Но на бляхе выбит не какой-то там несуразный «личный номер» (что это, кстати?), а код и номер подразделения, к которому приписан медведь. Например, А-15 обозначает медведя, принадлежащего Министру путей сообщения по должности (а не в личном качестве) и содержащегося в медвежатне министерства в пятнадцатом загоне. Или, скажем, ЦДВ-6-4 означает, что медведь приписан к Управлению негабаритных и специальных перевозок, шестой отдел, а сам медведь по ведомости проходит четвёртым номером. Впрочем, сие имеет малое значение для седоков – хотя при транспортировке неудобного груза медведь с бляхой ЦДВ предпочтительнее иных прочих. Однако все эти тонкости не имеют ни малейшего отношения к измышлениям г-жи Флокс!

Но особенно удивительны и даже возмутительны слова о «морде установленного образца». У меня есть все основания полагать, что тема лица и стандартов внешности является для г-жи Флокс близкой, личной и весьма болезненной. Однако к ездовым медведям её измышления отношения не имеют, ибо никакого стандарта или специальных требований к морде медведя вовсе не существует! Хотя, действительно, ездоки предпочитают медведей с мордою кроткой, радостной и на вид сметливой. Ибо, посудите сами по совести – кому же захочется ехать на злобном, сердитом и глупом звере?

Я даже не знаю, откуда взяла г-жа Флокс это своё измышление. Могу лишь предположить, что над ней кто-то изрядно подшутил. Ещё вероятнее, что ей довелось слышать разговоры опытных нанимателей, кои истолковала весьма превратно.

Далее она пишет:

«Зарегистрированный медведь прошёл обучение и знает самые короткие маршруты к любому адресу в городских границах. В случае, когда зарегистрированный медведь был нелоялен к Вам и Вы не удовлетворены качеством сервиса, Вы можете адресоваться в полицию с жалобой. Если Вы только прибыли в Московию и совсем не знаете местность и традиции, зарегистрированный медведь – хорошее решение для Вас. Однако держите в уме, что поездка на зарегистрированном медведе может быть вдвое или даже в три раза более дорогой, чем на дином».

То, что медведь, принадлежащий МПС, специально обучен и прекрасно знает маршруты в черте города, совершенно справедливо. Верно и то, что МПС принимает от населения жалобы на незнание медведями тех или иных маршрутов – что в интересах самого Министерства. Полиция, правда, таких жалоб вовсе не принимает, переадресуя просителя в Министерство.

Но откуда взято мнение – что медведь склонен требовать несуразно большого угощения за свою работу? Возможно, г-жа Флокс однажды, торопясь, в дурную погоду и в самом деле смогла нанять медведя лишь за цену вдвое против обычной. Это бывает; но сие – случай, а не система. Она же возводит случай именно что в систему, что вовсе недопустимо.

Пунктум четвёртый. Не буду приводить его здесь, соблаговолите справиться выше. По сути я тоже уже выразил своё мнение. Здесь отмечу лишь то, что совет нанимать именно белых медведей для преодоления водоёмов хоть и опирается на факт, но по сути опять же вводит в заблуждение.

Существуют белые медведи по окрасу, так называемые альбиносы, ценящиеся за красоту шерстяного покрова. Никакими особыми пловцовскими достоинствами против обыкновенных

чёрных, бурых, соловых, гнедых, мышастых и рыжих медведей они не наделены. Существует также – и совершенно отдельно от первых! – редкая разновидность истинно-белых медведей, происходящих от древних полярных хищников. Они и в самом деле горазды плавать даже в ледяной воде. Однако нанять таких зверей сложно, ибо немногие разводят их. Объясняется это тем, что содержать истинного белого медведя гораздо накладнее, чем содержать медведя обыкновенного, так как кормится белый медведь исключительно мясом и рыбой в преизрядных количествах.

Пунктум пятый. См. выше, в основном тексте письма.

Пунктум шестой. То же.

Пунктум седьмой. Здесь сказано:

«Зарегистрированный медведь подчиняется правилам и платит городу налог в форме общественных работ. Поэтому он не настроен на сокращение вознаграждения. Торговаться с ним не стоит Вашего времени».

Про всю нелепость рассуждений об «общественных работах» я уже сказал довольно, чтобы повторяться. Но не могу пройти мимо одного. Совершенно не понимаю, с чего г-жа Флокс взяла в ум и выдаёт за верное, что с медведем из МПС невозможно договориться! Решительно всё указывает на однократный неудачный опыт – что, в свою очередь, противоречит заявленному в начале опуса десятилетнему стажу жизни в Московии. К этому обману – далеко не невинному! – мы ещё вернёмся.

Также совершенно недопустим тон угрозы, который вдруг позволяет себе авторка чуть ниже. А именно в словах:

«Даже не думайте обмануть медведя про его оплату! Это – худшая идея, которая может у вас возникнуть. Медведи обладают экстремально развитым обонянием и ещё более развитым чувством справедливости. Недолив, низкогокачественный продукт или попытка обмануть при расчёте могут стоить вам репутации и здоровья».

Разумеется, обманывать медведя при оплате бесполезно: он или не возьмёт сего, пока тот не заплатит как договорено, или же, если тот смухлюет в конце дела, разнесёт о нём дурную славу. Сие чревато последствиями, описанными г-жой Флокс в последнем пунктуме своего сочинения. Но медведи – такой же электорат, как и все остальные служащие существа, и нанести авторитету вред насилием для них дело преступное и караемое по всем понятиям маналуюю. По какому праву или из чего исходя г-жа Флокс пишет *«недолив, низкогокачественный продукт или попытка обмануть при расчёте могут стоить вам репутации и здоровья»* — я решительно отказываюсь понимать! Разве что – это предположил не я, а госпожа Лотерейчик – сочинительница пишет именно в расчёте на хемулей, которым в высшей степени свойственно как желание экономить на расходах, так и известная физическая осторожность и опаска перед грубою силою. Однако же признайте, судари мои, что сие, во-первых, не служит к чести читателя! Во-вторых же, в таком случае следовало и писать на брошюре – «Для хемулей», а не «Для чайников», ибо хемули и чайники – совершенно различные сущности.

Пунктум восьмой. Здесь мы с недоумением читаем вот что:

«Не пытайтесь предложить медведю джин, текилу, ром и иные напитки, отличающиеся от классической московитской водки. Не предлагайте водку менее качественную, чем государственная водка Capital. При сомнениях спрашивайте у местных жителей, какая водка хорошая для медведей».

Опять, опять и опять поверхностность, тон всезнайства и нахватаанность по верхам при отсутствии прочных и глубоких познаний!

Большинство медведей действительно предпочитают водку иным напиткам, так как не пивали ничего лучше. Но приучить медведя к виски, рому или даже к бенедиктиновому ликёру не стоит никакого труда. Например, большинство медведей, принадлежавших упоминавшемуся выше князю Разорваки-Стремидловскому, всему предпочитали джин, поелику князь дер-

жал собственную винокурню, где выгонял можжевельный самогон и угощал им своих верных мишек. С другой стороны, верно и то, что ни один медведь не будет пить некоторые напитки – скажем, полынную настойку, именуемую абсентом. Так что какие-то резоны в словах г-жи Флокс усмотреть всё-таки можно.

Но вот в чём я сильнейшим образом сомневаюсь, так это в существовании «государственной водки Capital»! Во всяком случае, в пределах Московии, несмотря на изобилие разнообразных водок, я не встречал ничего подобного. Впрочем, возможно, её выпуск начался после моего убийства?

Однако я никогда не поверю, чтобы медведи совершенно разлюбили нашу традиционную «Столичную», до которой они истари лакомы. Само такое предположение в высшей степени возмутительно!

Пунктум девятый. Редкий случай: всё как бы и верно, если не считать того, что сообщаются банальности и пустяки.

Пунктум десятый. И тут г-жа Флокс не ошиблась, да и мудрено было бы ошибиться в таком простом вопросе. Но ниже сказано:

«Минимальным бонусом медведи считают чесание шеи, спины и флангов. Чешите сильно, доставая до кожи. Медведь не чувствует лёгкую ласку! Закончите чёску после второго или третьего удовлетворённого звука („порывания“) животного».

И здесь г-жа Флокс продолжает нас удивлять своими открытиями. Не задаваясь даже вопросом, что такое «фланги» – однако смекаю, что под этим мудрёным словом она разумеет так называемые чёрные мяса или окорока медведя, – она представляет чёску совершенно превратно.

Начать с того, что чесать медведя вовсе не обязательно. Некоторые предпочитают вместо этого налить медведю лишние двадцать-тридцать, а то и пятьдесят граммов, но не терять драгоценного времени. Другие же с наслаждением чешут зверя, добываясь ровного мощного рыка. Но вот чёска, обрывающаяся после первого же выражения удовольствия – это, выражаясь языком самой же г-жи Флокс, плохая идея. Если бы я испытывал к этой лживой, проницательной особе хоть какие-то недобрые чувства (кроме заслуженного презрения), то непременно пожелал бы ей, чтобы все медведи, делавшие ей, как она выражается, «куни» (отвратительное слово!), прекращали сие занятие после первого же её стога. А вернее сказать – писка, учитывая её подлинное происхождение.

Из деликатности не буду комментировать последний абзац данного пунктума касательно живота и иных частей медведя. Что бы там ни баяли нынешние суемудры, но я твёрдо держусь того мнения, что будирование альковных вопросов противно нравам. Aliunde, истина тоже не должна потерять в своих правах по причине излишней сдержанности своих защитников. Посему изберу средний путь, а именно – сошлюсь на мнение боярыни Мизюлиной, оставившей прелюбопытные мемуары «Arbor Vitae, или Воспоминания сластолюбивой» в четырнадцати томах. Там – кажется, в осьмом или девятом томе, – содержится ценное для нас указание, что даже самые глупые и наивные медведи обожают известные действия с их genitalia, кои они не способны совершать manu propria за неимением рук. Умному достаточно; я же ограничусь очередным указанием на то, что и в этом вопросе г-жа Флокс вводит публику в заблуждение.

Пунктум одиннадцатый и двенадцатый. И опять то же!

Наша неистощимая на выдумки г-жа Флокс пишет:

«Не пытайтесь использовать седло, стек, удар плетью, шпоры и другие инструменты, ограничивающие движения животного и причиняющие боль! Попытка взнуздывать медведя может вернуться Вам нетрудоспособностью, травмой или даже смертью, если только медведь не боевой и не приучен к удилам».

Во-первых, как я уже многожды повторял ранее, никакие действия с медведем никому ничем не грозят! Разумеется, медведь, не приученный к узде, не даст себя взнуздывать, но и

только. Кстати, хотелось бы спросить г-жу Флокс, что она знает о так называемых «боевых медведях» и видела ли она хоть одного. Уверен, что ответ будет отрицательным, поскольку «московитские боевые медведи» – не более чем противумосковитский миф.

Возмутителен также список «популярных мест» московитских городов, приводимый ниже. *«Исторический памятник, популярный ресторан, концертный холл, ночной клуб и т. д.»* — то ли очередное проявление низкого нрава этой безстыжей особы, то ли сознательное глумление над нашими ценностями. Разумеется, в наших городах есть рестораны и ночные клубы, как, впрочем, и везде. Однако самыми популярными местами они никоим образом не являются! Правильный ряд выглядит так: «Храм Дочки-Матери, семейное кладбище, присутственное место, поминальная, кабак». Это и есть те места, кои московиты посещают чаще всего – посещают с чувством, посещают с толком, посещают с должною разстановкою истинных приоритетов!

Хотя – в душу мою закрадывается страшное подозрение: что, если г-жа Флокс под странным и кощунственным термином «исторические памятники» разумела именно наши храмы? Полноте, да верующая ли она, ведомы ли ей Святые Понятия? И коли вправду так – что это говорит о вас, милостивые государи публикаторы?!

Не хочу, впрочем, развивать эту тему, прежде чем не посоветуюсь со своим духовным наставником, педобиром о. Ниобием Лимфатиком. Надо ли добавлять, что сей воистину святой муж окормляет, помимо меня, многих влиятельных существ, включая г-на Пипищенко, ныне обременённого заботой о личных финансах нашей возлюбленной врио-гидры Морры?

Пунктум тринадцатый. Возможно ли, что г-же Флокс неведомо вот что: горячо рекомендуемое ею развлечение «до упаду» запрещено законом в Архангельске, а в Нижгороде считается допустимым только при юридически оформленном согласии владельца медведей? Медведь, танцующий и пляшущий несколько часов подряд и потом падающий без сил от переутомления, может погибнуть или потерять здоровье. Опять же – *sapienti sat!*

Пунктум четырнадцатый. Вначале я хотел его вовсе пропустить, так как, по уже сказанному, публичное обсуждение половой тематики – в особенности так, как это принято в наше время, то есть буквально, буквально на каждом углу и в самых откровенных выражениях! – я считаю безстыдным, вульгарным и неблагоприятным. Однако и здесь я вижу ложь, умолчания, передёргивания и, наконец, очернение, смириться с которым мне не позволяет совесть. Поэтому, дабы избежать её язвущих сердце упрёков, я скажу буквально несколько слов и по этому поводу.

Итак, наша всё испытавшая г-жа Флокс утверждает:

«Заняться сексом с медведями в принимающей роли, если Ваш вес не превышает 350 килограммов – плохая идея».

Насколько можно разуметь, под «принимающей» ролью – о, этот гнусный жаргон! – г-жа Флокс понимает то, что в Русском языке именуется ролью пассивной или женственной. Так вот, выраженное мнение, что близость с медведем в таковой роли невозможна для существ не весьма массивных, является не чем иным, как предрассудком. Медведи очень осторожны, к тому же существует множество остроумных приспособлений, позволяющих наслаждаться близостью с медведем, не испытывая неудобств от его веса. Проблему может представлять *apertura*, в особенности если в роли принимающего отверстия выступает – выразимся поэтически, индизнаительно – *diverticulum*. Но такая проблема возникает всегда при попытке принять слишком многое и сразу, без должной подготовки, в особенности же – способом, не предусмотренным Натурою. Надеюсь, я выразился достаточно ясно? *Sapienti sat.*

Что касается медвежьего языка, то я, сам не будучи знатоком такого рода удовольствий, сошлюсь на мемуары Мизюлиной, на этот раз на том девятый, где эти вопросы разбираются самым обстоятельным образом (сразу после знаменитой главы об оральном сношении с дятлом).

Относительно же «специфического запаха» и «сильных сокращений», упоминаемых ниже. Это тот самый случай, когда всякие слова пресекаются и деликатностью, и крайним негодованием. Отмечу лишь, что если г-жа Флокс и в самом деле та, за кого себя выдаёт, то не ей говорить про «сокращения». Если же она та, кем я её вижу, то ей лучше всего даже не заикаться о запахе – ибо существа некоей печально известной основы известны крайней нечистоплотностью во всех отношениях, включая и физическую нечистоту!

Пунктум пятнадцатый, об отводе глаз медведями. Вот тут всё верно и по словам, и по сути, за исключением того, что архангельское и нижгородское выражения перепутаны. Скажу более: это единственный (sic!) пунктум, относительно которого у меня сложилось мнение, что г-жа Флокс и в самом деле знает, о чём говорит.

Но в таком случае стоит посочувствовать г-же Флокс, которая, лихо отписывая свой неприятный опус, не подумала о том, как он может отразиться на её собственной репутации. Будучи уважаемым заводчиком, давшим жизнь не одному поколению медведей, я уже отправил в Московию все необходимые указания. В результате г-жа Флокс может остаться без помощи тех, кого она дерзновенно поименовала «видом транспорта».

Покончив с этим, перейдём, наконец, к последнему – но не по важности! – вопросу: а кто такая г-жа Сюзи Флокс и чем сия сомнительная особа заслужила право публиковаться в таком издательстве, как ваше?

Во-первых. Я навёл справки и легко выяснил, что утверждение «*я торговый представитель сети „Дрэк Анлимитед“ в Московии и на Севере в целом уже более десяти лет*» является очередной ложью, и на сей раз самой прямой, фактической ложью! Правдой тут является лишь то, что г-жа Флокс последние десять лет и в самом деле работала в нескольких доменах С.-Д., которые с натяжкой можно отнести к «Северу». Однако в «Дрэк Анлимитед» она работает менее двух лет, а в Московию была отправлена всего полгода назад. Это объясняет её крайне слабое и поверхностное знакомство с нашими реалиями – но и в той же самой мере является образчиком мошенства и интриги, жертвой которой стали доверчивые читатели.

И во-вторых. С некоторого момента меня посетило настоятельнейшее желание взглянуть на мордашку этой ловкой, пронырливой особы.

С обложки вашей брошюры на нас смотрит молодая, не лишённая обаяния хемулька – правда, с неестественно узким грызлом. Меня, как знатока породных отличий и опытного фенотиписта, это сразу насторожило. Я затребовал несколько изображений Сюзи Флокс и получил их, но все они несли следы некоей внутренней нечестности художника.

Наконец, мне добыли портрет г-жи Флокс, сделанный на судебном заседании – на котором она, кстати, была ответчиком и обвинялась в оскорблении чувств. Портрет, как и все судебные зарисовки, был сделан с должного расстояния, рукой профессионала, и весьма точен. Так что я без труда разглядел на нём искомое.

Я готов прозакладывать сто соверенов против пустой яичной скорлупы, что г-жа Флокс не является истинным хемулем. Это самая обыкновенная филифёнка с подрезанными ушами и в тёмных очках, скрывающих характерно выпуклые глаза. Остальное делает печально известная способность этих существ отводить глаза и притворяться не тем, что они суть.

Нет, судари мои! – я никоим образом не являюсь видистом и не подразделяю существ на «добрых» и «дурных» в природном или высшем смысле. Что касается дел Природы, то *sol lucet omnibus*, то бишь – солнце светит на всех. А с точки зрения Вечности, для пресвятой Дочки-Матери все мы лишь несовершенные подобия истинно-совершенных существ – однако же подобия, достойные жалости и снисхождения, но не отвержения и презрения. Не будем же строже Природы и Дочки-Матери судить о ближних.

Однако есть ценностей незыблемая скала и есть моральный закон, оставленный нам! И вот, обращаясь к этим мерилам, я и выношу свой приговор. Я считаю филифёнок дурным племенем, прежде всего потому, что эти существа постоянно пытаются занять чужое место. В

данном случае очередная особь, щедро являя врождённое нахальство, вертлявую проницательность, нечистоплотность и лживость, сумела втереться в доверие не только менеджерам «Дрэк Анлимитед» (деф бы с ними!), но и другим вполне достойным существам, о коих я доселе был гораздо лучшего мнения.

Впрочем, уж если быть честным, так до конца. Не только сами филифёнки виновны в своём незаслуженном успехе и фаворе. Их дар отводить глаза на самом деле весьма слаб и может кого-то обмануть лишь а *prima facie*, но не при сколь-нибудь длительном общении. Главным их оружием является наша собственная мягкотелая уступчивость, неготовность противостоять нахальству и напору, а также наша податливость на грубую лесть, искательство и всякие низости, кои филифёнки предлагают с безстыдной готовностью. В случае же разоблачения всегда можно отговориться тем, что филифёнка, дескать, обманула и отвела взгляд. Не то ли произошло и на сей раз? Каким таким путём эта Флокс проникла в число авторов вашего издательства? И какого рожна её безграмотная писанина была допущена к печати? Да ещё в серии «Для чайников», обыкновенно вызывающей доверие новичков?

И, наконец, о безграмотности!

По своей основе я основателен (простите мне этот невольный каламбур – хотя, впрочем, он совершенно в моём духе), и мало что может вывести меня из того благодушного равновесия, кое свойственно *antique more* истинным Ондатрам. Так что, возможно, несмотря на всю свою любовь и преданность родной Московии в целом и ездовым медведям в особенности, я, быть может, и не стал бы тратить ни единой частицы жизни своей на разбирательства. Однако последней каплей, переполнившей фиал моего терпения, послужило то, что разобранный мною выше лживый и безграмотный опус написан особью, совершенно не владеющую Русским языком и не потрудившейся его довольно узнать.

Опять же. Я прекрасно осведомлён, что филифёнки рождаются от калуш, ибо Y-хромосома в их злосчастном роду давным-давно утрачена. Ведомо мне и то, что калуши, порождающие филифёнок, чаще всего Англоязычны и Русское наречие даётся этим примитивным, по сути, тварям с немалым трудом. Что ж! Имеется немало поприщ, на которых можно добиться преуспевания, не вполне владея языком науки и культуры. Но я доселе не могу взять в толк, почему именно филифёнки, *contra spem*, так напористо лезут именно в печать, в журналистику, в критику, в литературу – короче говоря, именно в те сферы, где совершенное знание языка Русского должно было бы быть условием *sine qua non*? Уж не замышляют ли они исподволь отучить читателя от природного Русского языка и приохотить его к тому убогому наречию, на коем они изъясняются? Неужели мы будем, не морщась, глотать все эти «фланки», «паттерны», «экспрессивную готовность», «непрактичность передних лап» (что это?) и прочие *monstruosa*? Или, может быть, мы сами переучимся с родной Русской речи на распространяемый ими жаргон и сами будем говорить и писать нечто вроде «более дорогой», «действительно хорошее средство» или «причина адресоваться»? И на что ещё распространятся столь неслыханные посягательства?!

Завершая. Не буду ставить вам, милостивые государи, никаких условий. Вы, как существа разумные и просвещённые, сами способны уразуметь, что именно вам должно совершить, дабы сохранить свою честь и избежать нежелательного для вас развития событий. Имейте в виду: *I am outraged and will take all necessary measures*. Можете осведомиться у г-жи Флокс, что означают сии слова, а потом хорошенько поразмыслите над их значением.

Всё же с теплящейся надеждою на понимание примите и проч., *породный боярин Платон Ефремович Голохвастов-Нащокин урождённый Ондатр*.

Дано в селце Залогово-Обезпеченское, в собственном имении.

В частное сыскное бюро «Рубен и партнёры»

Рубенчик, дорогой,

это Илья Занненхунд. Я тут влетел, надо разобраться.

Вся хуйня началась когда Миша Сенбернар спихнул на меня одну телченцию из Москвитии. В смысле не москвитка а впахивает в тех местах на каких-то уродах. Зовут Сюзи Флокс. Филифёнка бя. Хотя косила под хемульку. А мне чо. Сам знаешь, я ко всем нормально, волк ты там, ментяра позорный или ваще хрень науке неизвестная.

Тёлочь зачем причапала? Хотела брошюрку издать свою про Москвитину. Вообще без авторских, чиста раскрутищцо. Ну, поговорили. Ну, поеблись, конечно, а как без этого. И в общем как-то она меня развела на гонорарчик маленький, и потом ещё на книжку про Москвитию с рекламой и всеми делами. Ну филифёнки они такие твари. Умеют. Только не говори, что я деф. Во-первых знаю. Во-вторых Мишу Сенбернара она тоже поимела. Скобейда бя!

Кароч брошюрку её тиснули, хуеватым таким тиражилом в две тыщи. Брошюрка обычная, для чайников, про медведей каких-то. Мы таких говен издаём тыщи и до сих пор без проблем.

Но кайфец парманентным не бывает! Какой-то старый пидарюга случайно купил вот эту нашу хуйню и на эту тему возбухтел. Написал письмо нам в редакцию огромное бя. Я ваще в душе не ебу чё он там настроячил. Каждое слово с тремя словарями смотреть нада. Но кароч смысл такой, что он понтовый хер и нас всех выебет за эту прошманду, что мы её издали. Типа она накосычила, а мы крайние.

Я б этой бумажкой утер свою собачью жопу. Но она попала к Ретриверу, а он дрисло и всего боицца. Вызвал меня и чуть хвост не откусил. Обоссал и обосрал по всякому, а потом отправил разбираццо.

Кароч. Чё мне конкретно от тебя надо.

1. Прочти письмо этого дефолтника и разберись, чо хочет и чем угрожает. Я правда не ебу этих его выражений, я сам знаешь по коммерции, а не по литературе.

2. Пробей его по своим каналам. Он лошок из подворотни или что-то за ним реальное есть? Если да то кто? И насколько ваще реально от него огрести проблем? Вот это всё, ну ты понял.

Оплата обычная с фирмы. Оформи для Ретривера как хочешь. Мне 10 проц за заказ налимком отложи. Извини что вот так, у меня с баблом сейчас просто пипец.

Письмо старвафлёра тебе передадут. Чтоб он мудями своими подавился! Твой И.

Борису Львовичу Ретриверу. От Рубена Залупаева

Уважаемый Борис Львович!

Во-первых, согласно нашим договорённостям, пересылаю Вам копию письма г-на Занненхунда. Осмелюсь предположить, что у Ильи проблемы, причём более серьёзные, чем он хотел бы представить.

Во-вторых, я составил для Игоря краткую справку по письму Голохвастова-Нащокина.

В-третьих, отправляю Вам копию справки по Голохвастову-Нащокину.

*Искренне Ваш Рубен Залупаев,
владелец «Рубен и партнёры».*

СПРАВКА

Платон Ефремович Голохвастов-Нащокин

Общие сведения

Родился в Москвитии в селе Патиссоны, в родительском поместье. Третий ребёнок и первый самец в роду. Отец: Ефрем Сиринович Голохвастов-Нащокин, из рода Голохвастовых ветви Нащокиных-младших (Обломовых), ондатр. Мать – Горнила Климентовна Розабельверде, золотистая ондатра.

Молодость провёл в Архангельске. В 23 года покинул Москву. Официальная причина – воля отца, отправившего сына учиться коммерции в Хемуль.

Начал трудовую деятельность в Сальдо, клерком в торгово-закупочной организации «Лес и Пенька», принадлежащей отцу. Потом – младший партнёр в концерне «Гвоздь». Далее – успешный игрок на товарно-сырьевой бирже.

В 44 года унаследовал половину состояния своего дяди, Модеста Обломова, и вложил деньги в собственное риэлтерское агентство.

Впоследствии имел репутацию удачливого игрока на рынке недвижимости.

Состояние оценивается в 50 млн соверенов (консервативная оценка). Владелец недвижимости в Хемуле и окрестностях, оцениваемой экспертами в 18–20 млн соверенов. Также обладает значительными активами за его пределами.

Обладает очень широкими знакомствами в самых неожиданных сферах деятельности.

Около десяти лет назад отошёл от дел, хотя поддерживает старые связи. Известен как частный консультант по широкому кругу вопросов.

Личная жизнь, характер, компетенции, увлечения

О молодости известно мало. По его собственным словам, в эти годы он «отличался необузданным нравом» и «жил на широкую ногу». По непроверенным сведениям, поступал в Высшее Коммерческое Училище в Архангельске, но нет никаких свидетельств о его окончании. По недостоверным слухам, несколько раз привлекался по суду по разным делам, но осуждён не был. Я отправил запрос в архив полиции Архангельска, но ответ вряд ли последует ранее, чем через полгода, если он вообще будет.

В 23 года был изгнан отцом из родительского дома. Истинная причина: длительная связь с филифёнкой Бланш Гондон, чрезвычайно разорительная и порочащая репутацию семейства. В дальнейшем неоднократно вступал в связи с филифёнками, по итогам последней связи лишился по суду 100 000 соверенов и особняка в Сальдо (ул. Комиссионная, д. 3), после чего купил имение в селе под Дебетом и стал убеждённым филифобом.

В период работы в «Лесе и Пеньке» способностей к коммерции не проявлял, личное время тратил в основном на карточную игру в ночных клубах и казино Сальдо. Был удачливым игроком. По легенде, простил большой карточный долг некоему г-ну Книппелькнопелю, удоу, в те времена имевшему отношение к Ревизионной Комиссии. Якобы с этого момента его дела пошли в гору.

О том, где он достал деньги для вхождения в концерн «Гвоздь», до сих пор точно неизвестно. По распространённому мнению, они были получены от отца, сожалевшего о расставании с сыном.

По поводу игры на бирже – часто обвинялся в использовании инсайдов, получаемых из разных источников. Уже в ту пору поддерживал очень широкий круг знакомств в различных сферах. В дальнейшем строил на этом свою бизнес-стратегию.

В сорок два года заключил соглашение о порождении потомства со своей двоюродной сестрой Береникой Обломовой. Та принесла ему сына, умершего в трёхмесячном возрасте. Другие попытки оказались неудачными. Тем не менее сохранил отношения с семьёй дяди, что, скорее всего, повлияло на решение последнего завещать племяннику половину состояния.

Риэлтерское агентство «Голохвастов и Нащокин» (так!) было известно в Сальдо как агрессивный и не вполне корректный игрок на рынке недвижимости. Несколько раз деятельность г-на Голохвастова-Нащокина становилась поводом для судебных разбирательств, но тот ни разу не был осуждён более чем на уплату штрафов (по слухам – благодаря влиятельным покровителям).

Оставил дела в шестидесятилетнем возрасте, когда получил отцовское наследство. С тех пор занимается управлением недвижимостью и тратит время на свои увлечения.

Имеет репутацию автодидакта. Владелец большой библиотеки, наполовину состоящей из справочников по самым разным вопросам. Любит основательно разбираться в разных предметах и потом демонстрировать свои знания публично, «срезая» признанных специалистов. В частности, дошёл до депрессии и самоубийства бригадного суслика Коротчихина, уличив его в незнании времени начала битвы при Шалмирейне.

До недавнего времени был активным карточным игроком. Предпочитал покер и баккару. Бросил играть после того, как отыграл у своей бывшей подруги-филифёнки свой особняк в Сальдо.

Известен страстью к сутяжничеству, которое воспринимает как своего рода развлечение. После прекращения карточной игры эта страсть усилилась. За последние два года – пять дел, три раза в качестве истца и два раза в качестве ответчика. В трёх случаях добился успеха, два дела продолжаются.

Гордится тем, что не преследует в суде материальных целей. Все его процессы обходились ему дороже, чем получаемая материальная выгода. Судя по всему, его цель – унижение жертвы и причинение вреда её деловой и личной репутации.

Обычная тактика г-на Голохвастова-Нащокина такова. Сначала он тщательно продумывает претензии. Потом отправляет намеченной жертве письмо с их подробнейшим изложением. Пишет всегда сам, но после консультаций с юристами. Никаких конкретных требований обычно не предъявляет, отделиваясь общими фразами. После этого обычно берёт паузу. Если жертва не реагирует, г-н Голохвастов-Нащокин публично обвиняет другую сторону в игнорировании его справедливых требований и нежелании договориться миром и передаёт дело в суд. Здесь уже выдвигаются конкретные требования сразу по целому ряду пунктов. При этом он не ограничивается судебным преследованием, но пытается нанести своей жертве ущерб всеми доступными ему способами.

Последнее по времени дело вёл против сети блинных «Маслице», будучи возмущённым низким качеством их продукции (заказал блин с начинкой, нашёл в начинке коготь). Благодаря хорошей подготовке процесс выиграл и получил солидную компенсацию. Процесс широко освещался в прессе, публикации были явно оплачены. На этом не успокоился и продолжал преследование сети разными способами, прежде всего через прессу, охотно платя за любые негативные публикации о «Маслице».

Однако Голохвастов-Нащокин может уступить и даже пойти на досудебную сделку, если намеченная им жертва выполняет его условия. Например, он отозвал иск к певице Маргоше «Филифёнки-филифёнки, вы весёлые девчонки» (в тексте которой он усмотрел оскорбление Дочки-Матери) после того, как певица и её продюсеры встретились с ним лично, принесли извинения и убрали песню из репертуара.

Подробности, имеющие отношение к делу

Является президентом Добровольного Общества Медведоводов и Ценителей верховой езды на медведях. Это престижный закрытый клуб со строгими критериями членства (приглашение от президента клуба, первоначальный взнос в 20 000 соверенов и 5000 соверенов ежегодно). Все перечисленные в письме персоны действительно являются членами клуба, кроме Вырина Ристофора (официальная причина – аллергия на медвежью шерсть). Однако его брат Ширин – член клуба. Также: Голохвастов-Нащокин действительно регулярно пользуется юридической помощью юридического агентства «Братья Ристофоры». В частности, он прибегал к их помощи в упомянутом в письме деле против издательства «АСТ» (процесс завершился в пользу истца).

Сведения о принадлежности Голохвастову-Нащокину Заволбуйского медвежьего завода не вполне подтверждаются: по имеющимся сведениям, ему принадлежит пай в 20 %. Однако он

имеет возможность влиять на политику завода через своего брата, Ефима Сириновича Голохвастова-Нащокина, управляющего заводом и владельца как минимум половины паёв.

Является президентом созданного им «Общества ревнителей исконной русской словесности». Также увлекается восстановлением древней латыни по сохранившимся в доступных нам текстах фрагментам. Автор справочника «Латинские слова и выражения», считающегося самым полным из ныне существующих.

Несмотря на то, что живёт в Хемуле, а в Московии, после изгнания, бывал лишь редкими наездами, считается одним из лучших специалистов по Московии и московитским делам. Постоянно демонстрирует московитский патриотизм. Половина дел, инициированных г-ном Голохвастовым-Нащокиным, так или иначе связана с этой темой.

Как я уже говорил, является убеждённым филифобом. Если в деле как-то замешаны филифёнки, он обычно прилагает все возможные усилия для того, чтобы нанести им какой-нибудь ущерб.

Важные сопутствующие обстоятельства

Г-н Голохвастов-Нащокин упоминал в своём письме г-на Анастасия Пипищенко. Некогда они находились в дружеских отношениях. На самом деле сейчас между ними нет никакой связи, кроме общего духовника. Причина разрыва – покровительство, которое Пипищенко оказывает некоей филифёнке и всему их роду в целом. Разрыв произошёл по инициативе г-на Голохвастова-Нащокина. Мои информаторы подтверждают, что г-н Пипищенко весьма зол. О его репутации в соответствующих кругах вы осведомлены. Вызвать неудовольствие г-на Пипищенко было бы крайне нежелательным.

Стоит также принять во внимание, что клан золотистых ондатров Розабельверде, по некоторым данным, находится в состоянии затяжного конфликта с нашей возлюбленной вриогидрой Моррой. Неизвестно, поддерживает ли г-н Голохвастов-Нащокин отношения с родственниками матери и как М. относится к проблеме родства. Но этот фактор тоже может оказаться существенным и оказать влияние на исход дела.

Рекомендации

Лучше всего попытаться как-то уладить дело с г-ном Голохвастовым-Нащокиным, не доводя его до суда. Скорее всего, он удовлетворится бы изъятием брошюры из книжных лавок и разрывом контракта (если он уже заключён) на книгу г-жи Сюзи Флокс. Однако, учитывая обстоятельства, лучше это сделать деликатно, без перспектив судебного дела со стороны г-жи Флокс.

PS. Счёт за услуги прилагается.

PPS. Мне не хотелось бы выполнять требование г-на Занненхунда.

В книжную лавку «Флюродрос» (ул. Высокодоходная, 13), г-же Лике Ангел. От Б. И. Ретривера, директора издательства «Сенбернар, Занненхунд и Ретривер»

Дорогая Лика,

это Боря Ретривер. Надеюсь, помнишь. Часто тебя вспоминаю. Как там в Дебете? Надеюсь, не жалеешь о переезде? Хотя временами сам подумываю.

У меня небольшая личная просьба. В твою лавку не так давно поступала брошюра нашего издательства некоей Сюзи Флокс, про московитских медведей. Из-за книжонки на нас наехали, требуют какой-то экспертизы и т. п. Нам, в общем, всё равно, книжка тиражом 2000, просто не хочется совсем уж прогибаться. С другой стороны, может, мы и вправду пропустили какую-то хрень, тоже неприятно. Короче: не могла бы ты убрать брошюру из доступа? Если да, то сделай это как можно скорее. Оставшиеся экземпляры выкуплю у тебя сам по розничной цене прямо сейчас.

Это письмо передал тебе Миша Сенбернар, он в курсе. Вот ему и продай. Вывоз и проч. – его забота.

На вопросы, куда делась брошюра, отвечай, что всё продано. На вопросы «сколько было экземпляров», «кто купил», «будут ли ещё поставки» и всё такое отвечай уклончиво, как ты умеешь.

Если всё будет нормально, буду в Дебете в конце марта, пообщаемся. Лижу твою лапку. Боря.

В редакцию издательства «Сенбернар, Занненхунд и Ретривер»

Уважаемые господа!

Я представляю интересы моей клиентки Сюзанны Флокс, вам известной. Около двух месяцев назад она заключила с вами договор на издание и распространение брошюры «Всё, что вам необходимо знать о московских медведях». Брошюра была издана, автор получил сигнальные экземпляры. Однако после десяти-двенадцати дней успешных продаж она была изъята из всех книжных лавок. Продавцы утверждают, будто бы она распродана. Никаких документов, подтверждающих эти утверждения, они не предоставляют. Автору также не выплачены роялти.

Г-жа Сюзанна Флокс при издании брошюры не преследовала коммерческих интересов, о чём был осведомлён ваш представитель, подписавший договор. Брошюра должна была стать элементом её рекламной кампании по выпуску книги о Москве, предварительное соглашение об издании которой в вашем издательстве было достигнуто. Однако договор до сих пор не подписан. Ваш представитель, г-н Занненхунд, куда-то пропал и не выходит на контакт. По словам сотрудников, он в длительном отпуске.

Другие ответственные лица издательства, г-да Сенбернар и Ретривер, по словам моей клиентки, также недоступны. Она считает, что вы намеренно избегаете общения с ней.

Моя клиентка не хочет развития конфликта. Но она решительно настаивает на личной встрече с г-дами Сенбернаром и Ретривером в присутствии свидетелей и справедливого решения всех накопившихся вопросов. В противном случае она оставляет за собой полную свободу действий.

Юстас Д. Глобус, адвокат

В частное сыскное бюро «Рубен и партнёры»

Дорогой Рубен, тебя беспокоит Миша Сенбернар. Извини, что не писал столько времени. Но вроде повода не было, а ты больше общался с Ильёй, с которым у меня в последнее время были разные сложности. Ну, ты знаешь Илью.

Ладно, это в прошлом. Теперь я буду дёргать тебя чаще. Ретривер повесил на меня наши дела с Сюзи Флокс.

Эта драная скобейда каким-то образом наняла адвоката Глобуса. Про Глобуса ты лучше меня знаешь, что это за крыса. Хуже только Резник, и то не факт. Не знаю, где она нашла деньги: у Глобуса бешеные гонорары. Может, что-то посулила, хотя не понимаю что. Так или иначе, в письме (письмо прилагаю) Глобус назвал её своей клиенткой. То есть всё серьёзно.

Сейчас они настаивают на встрече и разговоре. Ретривер категорически против, я тоже. Честно говоря, я этой Флокс много чего наобещал. Ну а теперь всё будет в глобусовском стиле: наши дела – это наши дела, а вот про ваши обязательства мы сейчас поговорим. Он давёжник, а я это ненавижу. Я всё-таки по литературе, а не по коммерции.

Мог бы в случае крайней необходимости взять на себя вот это всё? Ну то есть представлять нас на переговорах? Очень надо.

Миша

Борису Ретриверу от Цыбули Зусь-Худодотовны Лотерейчик (отправлено с бэтменом)

Cher ami,

меня ужасно расстроило твоё последнее *lettre*. Никогда, никогда больше не пиши мне такого! Ну конечно же, мы друзья и всегда ими останемся! Даже если с вашей лицензией возникнут какие-то *problemes*, то не из-за меня. Ты же знаешь, как я люблю и тебя, и ваше милое, интеллигентное издательство. Сейчас истинно-культурных и при том порядочных существ в вашем бизнесе осталось так мало! Все сразу начинают с денег и заканчивают деньгами же. Я понимаю этот язык, иначе не могла бы выполнять свои обязанности. Но всё-таки ждёшь не только совершенов, но и взаимопонимания. У нас с тобой оно было всегда, и я этим очень дорожу.

Насчёт этого дела. Я знаю Платона Ефремовича давным-давно, ещё с тех времён, когда я носила колечко в клювике и щеголяла в ярких пёрышках. Наше знакомство началось со взаимных судебных исков, но потом мы сошлись и даже что-то вместе заработали. Кажется, мы при этом нарушили ужасно много всяких *regies* – даже не специально, а просто по легкомыслию. Какими же мы, *en fait*, были молодыми – и какой *serieux* на себя напускали! Хорошо ещё, что большая часть тех глупостей, которые мы творим в этом возрасте, обычно сходит с рук, или, по крайней мере, обходится недорого. Увы, порой *d'age mûr* к нам приходят неоплаченные счета из наших золотых лет. Это весьма досадно.

Извини, я немного расчувствовалась, со мной такое в последнее время случается всё чаще и чаще. Так или иначе, что было – то было. Сейчас мы с Платоном Ефремовичем – просто старые друзья. Он – милейший, чудеснейший старикан, немножко *despote* и, конечно, *il a toujours des fantaisies*. Но он вовсе не злой; скорее – упорный и несколько *rigide*. Если его специально не задевать, нет более отзывчивого, более великодушного существа. Однако он очень близко принимает к сердцу разные мелочи, если они ранят то, что ему дорого. Тогда он может быть *desagreable* и даже опасным. Но и в таких случаях его можно смягчить, если только уметь подобрать ключик к его сердцу – что не так уж и сложно, ибо Платону Ефимовичу свойственны обычные для его возраста и положения *fablies*.

PS. Я смогла бы, пожалуй, устроить встречу с ним. Тем более, у тебя сейчас есть оправдание: эта *personne terrible*, негодница Флокс, пытается вас преследовать, да ещё и привлекая к этому делу Глобуса! Мне доводилось сталкиваться с этим типом, это настоящий судебный разбойник! И всего лишь потому, что ты пошёл навстречу Платону Ефремовичу! Это в высшей степени возмутительно.

Cordialement a vous, Ц.Л.

Борис Ретривер – Рубену Залушаеву, частное письмо (передано с бэтменом)

Дорогой Рубен.

Мы давно не встречались, и переписку ведём в основном деловую. Но сейчас мне нужен совет друга. Не консультация, а совет.

У меня такое чувство, будто я шёл на приём и прямо перед парадным вляпался в какое-то дерьмо. С каждым шагом у меня всё меньше шансов его незаметно стряхнуть и вытереть лапу. Потому что дальше – чистая дорожка без бордюра, потом – крыльцо в граните, а дальше – мрамор и всё такое. Мне притормозить бы где-нибудь в лопухах. Но лопухов нет, а за спиной другие приглашённые. И я иду, как деф, по этой проклятой дорожке. Сгорая со стыда. И отлично понимаю, чем всё кончится. Я войду в приёмный зал с дерьмом на лапе. Вот тут-то все, конечно, обратят внимание. Ещё скажут потом, что сам извалялся. Фу.

Ты, наверное, понял: я про Флокс и всю эту историю.

Началось всё буквально с ничего, с пустого места. А теперь я был вынужден прервать отношения с коллегой, выкупил за свои же деньги книжку собственного издания, меня бомбар-

дирует письмами контора Глобуса, а с другой стороны точат ножи юристы Голохвастова-Нащокина. Вчера пришёл Миша Сенбернар и устроил истерику со слезами.

Меня всё это успело достать хуже блох и геморроя. Причём – вместе взятых. Впервые за все годы я всерьёз думаю уйти. На жизнь у меня есть. В Нетто – домик с садиком. Буду лежать под акацией, грызть косточку и читать Плутарха. У меня ещё Плутарх не читан. И косточку сырую, цельную, как я люблю, а не вот это варёное убожество, щипцами расколотое, как обычно для наших подают. Не говоря уже о торговой реакции, которую я всю жизнь вынужден подавлять. Писал в начале о дерьме, а самого потрясывает: повалиться бы. Вот и поваляюсь. Власть. И думайте что хотите.

Читателей только жаль. У нас единственное интеллектуальное издательство на весь Хемуль. Ну, допустим, не одно, есть ещё «Онагр» и «Факториал Б». Но они мелкие и живут классикой из Сундука. Ну, у «Факториала», допустим, справочники хорошие. Но у нас не хуже, особенно по точным наукам. Мы «Математическую Энциклопедию» выпустили, например. А современных интеллектуалов только мы, кажется, одни и публикуем. Остальные гонят муру для электората и дефолтников. Мы, допустим, тоже гоним. Надо же на что-то жить. Но при этом всё-таки издали Вальтера Минца! И «Полюса благолепия» Игнатовой! Никто не брался, а мы подготовили и издали. Нормально издали, с аппаратом, со ссылками, со всеми делами. Или вот Бут. Мы же напечатали Евгения Бута, «Легенды и мифы Страны Дураков», первое издание. Сейчас считается абсолютной классикой, но издали-то его мы. Знаешь, каково с этим дятлом работать было? Он же нам за каждую букровку череп выдалбливал. Ничего, справились.

А сейчас Миша, вместо того, чтобы истерики устраивать, должен был бы искать научного редактора на издание эссе Сянь Ши-Куя. Первое нормальное издание, я хочу сказать.

И теперь всего этого не будет. Из-за Флокс. Будто она – не филифёнка, а креакл какой-то. Креакл на каблуках. С бритым клювом. Фи.

А с другой стороны этот ондатр. Чего ему не сиделось у себя в Залогово? Нет же, родной культурки ему захотелось. Тяпнуть. Всем грызлом. Тьфу.

Так я с тоски написал Цыбуле Лотерейчик. Да, уже смешно – с тоски писать Цыбуле Лотерейчик. Просто она единственная, кого я из окружения старика знаю лично. Ну а что я теряю? Что я вообще теряю, кроме возможности издавать Сянь Ши-Куя? Вот что-то такое я ей и написал.

Станным образом она ответила. Намекнула в своей манере, что я ей мало плачу за лицензию и что я ей кое-что должен по жизни. Это она завсегда так. Но в конце предложила личную встречу с ондатром. Если что-то из этого выйдет, она потом меня съест, требуя вечной благодарности и всяких знаков внимания. А с другой стороны – Плутарх, косточка, дерьмецо. А с третьей – ну ты понял.

Сиж, курю. Что дальше?

Посоветуй что-нибудь. Прямо здесь – черкни пару строк. Как скажешь, так и сделаю.

Борис

ПРИПИСАНО РУКОЙ РУБЕНА ЗАЛУПАЕВА: Если встретитесь, то ничего не теряете.
Р.З.

Платону Ефремовичу Голохвастову-Нащокину от Цыбули Зусь-Худодотовны Лотерейчик (отправлено с бэтменом)

Cher ami,

у меня плохие новости относительно нового законопроекта. Похоже, всё подтверждается. Je presume, нужно пересечься. Совместим это с тем делом: возможно, что-то выйдет.

Cordialement a vous,

Ц.Л.

Борису Львовичу Ретриверу лично в собственные руки

Дорогой, любимый мой Борис Львович!

Не устаю благодарить Дочку нашу Матерь, что под закат лет свёл с Вами знакомство. Не устаю корить и себя, что, по какому-то случайному злополучию, оно началось не должным образом. И, конечно же, благословляю нашу милую, любезную Цыбулю Зусь-Худодотовну, своими нежными крылышками ухлопотавшую, устроившую ту достопамятную встречу нашу, из-за каковой всё так чудесно переменялось на лучшее.

У меня множество добрых известий для Вас, так что и не знаю, с чего начать. Положусь, в таком разе, на свойства памяти, как бы выкладывая вначале то, что лежит выше, постепенно добираясь и до глубины. Правда и то, что сверху могут оказаться сущие пустяки. Однако сие я полагаю маловозможным, ибо душа упорядочивает воспоминания сообразно их внутренней ценности. Так что, отринув сомненья и тревоги, приступлю.

Во-первых: вопрос с Вашим членством в «Обществе ревнителей исконной русской словесности» совершенно решён, и решён в Вашу пользу. Вчера состоялось собрание, на котором я Вас аттестовал самым лестным образом. Возражения, правда, были, но были они слабые, и не от неприязненности к Вам лично, а от незнакомства. Кстати сказать, на том же заседании мы повысили вступительный и членский взносы. Но Вас, дорогой Борис Львович, первая из этих двух бед минует вовсе, так как для Вас мы сделали исключение, и Вам членство обойдётся в прежнюю тысячу соверенов. Что до второй беды, она не так-то и страшна. В конце концов, мы оба не бедствуем.

Во-вторых: я пересмотрел свои черновые заметы и могу уже с уверенностью сказать, что книгу о Московии составить могу. Меня, однако, смущает, что Вы ставите условием издание исключительно моим же иждивением. Даже и не предполагаю, что Вы тем самым желаете нанести мне какую-либо обиду. Вы лишь только стремитесь, как это обыкновенно бывает в делах, *per fas et nefas* уменьшить расходы, даже, возможно, ценою сокращения доходов. Ибо значительные доходы в вашей сфере порождаются читательским спросом, весьма переменчивым, и всегда являются чем-то вроде журавля в небе, коему всякий предпочтёт осязаемую синицу или, скажем, чижику, столь любимого нашими мишками как лакомство. *Ad notam*: выражение «чижику съесть» весьма употребительно в Московии в значении «изо всех благ избрать менее полезное, но более приятное». Мне помнится, что Вы в каком-то разговоре употребили сию поговорку в ином смысле; впрочем, скорее всего, мне изменяет память, коей, как всякой самке, постылы старики, и она из верной служанки превращается в ветреную Гебу. Так что ежели мне то помстилось – простите великодушно; но всё же указываю, чтобы исправить не совершённую, но возможную ошибку. Что до дела: войдя сполна в положение Ваше, я, после долгих колебаний, всё же решился на полную оплату печати своего труда. Я разумею, конечно же, именно печать, то есть само тиснение, мелкие же расходы по приобретению бумаги и картона, работе с рукописью, транспортные расходы и хлопоты по распространению с лёгким сердцем оставляю на Ваше усмотрение.

В-третьих, об испрашиваемом Вами кредите. Как я уже сообщал по сему вопросу, отойдя от дел, я совершенно прекратил ссужать деньги под какие бы то ни было условия, даже самые выгодные. Делай вполне или не делай вовсе, *aut Caesar, aut nihil* – вот мой девиз. Однако, рассудя по совести, я решился единожды нарушить сие неперемнное правило ради Вас и Вашего прекрасного издательства – под одиннадцать процентов годовых, в залог же приму домик на Концессионной, где у Вас ныне приёмная. Вы, верно, подумаете, что домик много превосходит по ценности испрашиваемую Вами сумму. Однако же Вы его не продаёте, а отдаёте в залог, то есть намереваетесь оставить его за собой. Тогда в случае доброго исхода дел Вы ничего и не потеряете. Но даже в случае дурных обстоятельств он отойдёт не чужим, равнодушным существам, которые способны открыть в нём склад или ателье, а Вашему другу и еди-

ночаятелю, который никогда не распорядится этим дорогим для Вас местом, не посоветовавшись предварительно с Вами. В случае невозврата кредита – каковой, ежели и случится, вовсе не повлияет на нашу дружбу, ибо наши души соединены более прочными скрепами, нежели золото – я, всего вероятнее, отдам это место под клуб

«Общества ревнителей исконной русской словесности». Поскольку сие Общество, – а я не сомневаюсь в этом! – весьма скоро станет для Вас вторым родным домом, то Вы, в сущности, ни при каком исходе дела не теряете ничего подлинно существенного.

В-четвёртых, наконец, о нашем злосчастном деле. Здесь мы наблюдаем подвижки самые благоприятные. Иные обошлись мне в известную сумму; однако же в таких вопросах я не смотрю за расходами, ибо речь идёт об Истине и Чести.

Прежде всего, не могу не воздать должное Вашей предусмотрительности. Ваше решение выкупить тираж, но не отзываться его, при всей внешней невыгодности, оказалось совершенно верным! Глобус и его юристы строили всё дело на том, что тираж отозван, в чём можно усмотреть нарушение договора. Далее они собирались развивать дело в сторону того, что таковой произвол со стороны издателя имеет некий видистский, противуфилифёночный смысл. Судебной перспективы сей ход, разумеется, никакой не имеет – но это был бы повод заявить о сём на суде публично и тем самым привлечь внимание общества, в том числе и тех его членов, коим сей предмет интересен. Однако для сего нужно было довести дело до заседания. Но все судебные экспертизы показали, что книга была скуплена по розничной цене. Привлечены были и эмпааты, которые подтвердили совершенную правду сих слов. Вопрос же о покупателях, хотя для Глобуса он должен быть вполне очевиден, не мог быть задан по условиям полицейской экспертизы. Таким образом, интрига по этой линии совершенно пресечена! Нет слов, чтобы достаточно выразить моё ликование по этому поводу.

Далее вот что. Как то мне сообщили верные информаторы – а таковые у меня имеются в весьма различных сферах, и не припоминаю случая, чтобы я о том пожалел! – г-жа Флокс вовсе не нанимала адвоката Глобуса, если под наймом понимать выплату вознаграждения. Нет! Она сумела увлечь его перспективой судебного дела, напирая на то, что я высказал Вам претензии, а значит, дело в любом случае будет. Расчёт был на то, что Вас атакуют с двух сторон, через то – Вы будете сломлены и заплатите требуемое. Свою долю Флокс уступила Глобусу, равно как и посулила ему лестно освещение и рекламу его личности и деловых качеств во всех своих выступлениях и интервью. И что самое поразительное: Глобус, давно уже не берущийся ни за какие дела *ad gloriam* и всему предпочитающий звонкую монету, поддался на эти смехотворные посулы! Воистину, филифёнки умеют ущекотать худшие свойства души самца, в том числе его жалкое, ничтожное тщеславие!

Не буду так же лишний раз сокрушаться о низости подобных расчётов. Важен лишь факт, что она о моих претензиях знала. Это, в свою очередь, яснейшим образом указывает на неверность и даже измену кого-то из ближайших Ваших сотрудников, сообщивших этой скобейде сии безценные для неё сведения. Не довольно знаю ваших сотрудников, но в делах с филифёнками никому доверять нельзя. Мне – можно, ибо в моём случае тому порукой горький жизненный опыт. То же, впрочем, по праву скажу и о многом другом. Так что держитесь меня – и не пропадёте.

Но с новыми силами к делу! Я довёл – через верных существ – до сведения г-на Глобуса, что никакого дела с моей стороны не будет. Как мне доложили, он ответствовал в том духе, что это всё его, дескать, вовсе не беспокоит. Но, мню, это лишь игра, и на самом деле он весьма озадачен. От тех же верных существ я знаю, что он давеча ловко избежал randevu с г-жой Флокс, хотя та была весьма настойчива. Вернее всего, он намерен затянуть действия *ad Kalendas Graecas*, а впоследствии вовсе отказаться от дела, ссылаясь на вышедшие сроки.

Возможны также попытки со стороны г-жи Флокс привлечь к себе внимание прессы. Это всё предоставьте мне; подобные вещи требуют деликатности и в то же время некоторого, так сказать, усилия и даже напора. К чему Вам маразм о грязь житейскую?

Многое, многое ещё хочется сказать Вам, но, мню, гораздо большее наслаждение доставит нам общение глаза в глаза. Завтра, в 3 часа, в памятном Вам ресторане «Клевещер и Кровашур», я заказал чудный столик у окна. Ваш любимый лежак Вас уже ждёт.

Искреннейше примите и проч.,

породный боярин Платон Ефремович Голохвастов-Нащокин урождённый Ондатр.

Дано в г. Дебет, ул. Кризисменеджментовская, 10.

Борис Ретривер – Рубену Залупаеву. Не отправлено

Дорогой Рубен.

Даже не знаю, как начать это письмо. В прошлом я у тебя попросил совета, ты мне его дал. Я тебя не виню. Хотя слова «вы ничего не теряете» сейчас звучат какой-то насмешкой. Как и мои рассуждения про дерьмо. Я по уши в дерьме, Рубен, и мне это, вопреки основе, совсем не нравится.

Как ты знаешь, Зусь-Худодотовна устроила мне встречу с Голохвастовым. Извини, не могу уже величать его по полному титулу. Он у меня в печёнках сидит.

Встреча была в ресторане «Клевещер и Кровашур». Старикан оказался типичным ондатром – знаешь, ну такой, с седыми усами, мохнатым рылом и глазками-бусинками. Маленький, мне до пояса. Говорливый. Сначала был грозен, хмурился и всячески выказывал нерасположение. Прости, Рубен, его ужасный язык ко мне липнет, регулярно ловлю себя на этих кошмарных оборотах... В общем, сначала разыгрывал неудовольствие, потом как бы подобрел. Когда подали чай, мы были уже друзьями и всю планировали меры против Флокс.

Теперь мы друзья. Такие, что хочется на луну выть.

Началось это всё в том же ресторане. Когда пришло время расплачиваться, он великодушно предложил счёт пополам – дескать, не будем считаться и одалживаться. Моя половина оказалась дороговата. Когда я присмотрелся к чеку, увидел, что ондатр взял бутылку очень дорогого вина. Но я был не в том положении, чтобы спорить по таким пустякам. Тем более, он миллионер, и подозревать его в мелкой экономии было бы странно.

Вот с этих самых пор я всё время оказываюсь не в том положении.

Например, у Голохвастова есть «Общество ревнителей исконной русской словесности». Это такой же клуб, что и с его медведями, только медведи пошли успешно, а словесность – нет. Он долго сокрушался, что в Обществе мало членов, что оно собирается неохотно, не работает и т. п. Я хотел сделать ему приятное и предложил в Общество вступить. Он обрадовался, всячески меня благодарил, намекал, что выдвинет меня сопредседателем. Мне это всё, сам понимаешь, нужно как пятая нога. Но почему бы не сделать любезность? Однако на следующей встрече выяснилось, что мою кандидатуру нужно ещё «проголосовать на собрании Общества» и что Голохвастов, оказывается, должен, по его выражению, «хлопотать», чтобы меня туда пропустили! Я тут же отказался от членства, но настырный ондатр предпочёл понять это так, что я очень хочу в это самое общество и крайне огорчён отказом. Он прямо-таки взвился орлом и заявил, что теперь это для него «вопрос чести» и что он сделает всё, чтобы я «прошёл» (тоже его слово). В результате я лежал у столика, чувствуя себя одновременно облагодетельствованным и обосранным.

И вот сегодня ко мне приходит письмо, в котором мне, между прочим, сообщают, что в этом Обществе, оказывается, есть вступительный и членские взносы! Причём немаленькие! Для начала с меня хотят штуку золотом. И ещё что-то каждый год, сколько – пока не знаю. Но уверен, что меня это не порадует.

Главное, винить некого, я же сам попросился. Из любезности, да. Но ощущение такое, будто меня подудолили. Как последний электорат.

Или вот. Мы разговаривали про издательские дела, я и подумал – может, старикан даст кредит? Ну такой небольшой, дружеский. Беспроцентный или под маленький процент. Нам бы сейчас он очень не помешал. Ну попросил и попросил. Голохвастов напустил на себя важный вид и сказал, что нужно подумать. И вот сегодня он меня известил, что надумал. Надумал дать под одиннадцать процентов. Под одиннадцать! Это на два процента меньше, чем краткосрочный в коммерческом банке. А в залог захотел наш дом на Концессионной. Можешь себе представить такое?! Я, конечно, откажусь, вот только не знаю как. Вроде ведь сам просил.

Это ещё не всё. Старик при встречах несколько раз намекал, что хочет издать свою книжку о Московии, которую, дескать, долго готовил и т. п. Я уже был настороже и твёрдо заявил, что могу это сделать только за его счёт. Он надул, но я не уступал. И где-то в разговоре, может быть, не помню точно, сказал, что не готов его печатать за свой счёт. Он меня прихватил за язык на слове «печатать». Сегодня он мне сообщил, что готов отпечатать книжку за свои, то есть именно оплатить работу типографии, а всё остальное «с лёгким сердцем оставляет на моё усмотрение»! Ну то есть он меня снова намерен подудолить, издав свою писанину за мои же деньги. Которых у меня не так много.

При этом он не жулик, не жох, жуликов и жохов я видел. Он реальный миллионер. Он за всё может заплатить сам, и даже два раза. И он не скупой, не скряга. Просто внутри него машинка, которая работает в одну сторону. Я что-то подобное раньше замечал за Худодотовной, но она откровенно жадная и к тому же глупа как сойка. (Не могу понять, кстати, как она при своём птичьем уме добилась такого положения. Впрочем, ничего удивительного: она-то его добивалась, а я, например, нет. Мне бы книжечки издавать.)

Самое же неприятное, что старикан и в самом деле меня полюбил – ну, в каком-то смысле. То есть ему явно нравится со мной разговаривать, он меня внимательно слушает, что-то себе на ус мотает и всё такое. Сначала мне это льстило, но теперь я понимаю, как это называется. Я его развлекаю, вот что. Развлекаю. Да ещё и за бесплатно.

Он крадёт моё время. Просто извещает меня – дескать, я обедаю там-то, к такому-то часу. Он ни разу не поинтересовался моими планами. Не со зла: ему просто это в голову не пришло. Ему в голову приходит только то, что ему выгодно и удобно. Мне бы такое устройство головы, я бы горя не знал.

При этом трюк с дорогой бутылкой он в разных вариантах проделывает регулярно. Ну то есть уже не с бутылкой, но я всё время хоть сколько-нибудь, а переплачиваю.

Да, по делу Флокс. Я до сих пор думал, что всё-таки одна конкретная польза от ондатра есть: Глобус мне больше не пишет. Старик, естественно, приписывает этот успех себе и отчасти мне. Но я вчера встречался с одним старым знакомым. Он был у меня директором по продажам, пока не ушёл в большой бизнес. Так вот, он мне рассказал, что у Глобуса это была такая тактика. Он принимал любых клиентов, у которых дела связаны с вопросами репутации, деловой и личной корректности, всяких оскорблений и клеветы и прочих таких материй, в которых законодательство запутанное, а публичное разбирательство вредит обеим сторонам. Не брался за дело сразу, говорил «я подумаю», а сам начинал бомбардировку противоположной стороны угрожающими письмами. Вся штука в том, что на такие письма не ставилась печать конторы, так что формально это частная переписка. Ну а в частной переписке он может писать что угодно, даже называть неклиентов клиентами, угрожать обнародованием информации, которой не владел, и вообще. Это всё ненаказуемо. Хотя конверт фирменный, письмо отправлялось на фирменном бланке и так далее. В большинстве случаев существа, напуганные именем Глобуса и его репутацией, соглашались на досудебные сделки, чего он и добивается. Тогда он уже официально признавал клиента клиентом, проворачивал дело и выдаивал из жертвы столько, сколько, по его мнению, можно взять без скандала. Большую часть денег он присваивал себе,

делясь с клиентом по минимуму. У него это дело было поставлено чуть ли не на поток. Сейчас, правда, все уже знают об этом трюке и проверяют, есть ли печать. Но Глобус уже свои сливки снял. А завтра он придумает ещё какую-нибудь пакость.

Я проверил свою переписку с Глобусом. Никаких печатей, конечно: он мне писал как частное лицо частному лицу. Просто всё выглядело солидно, я бы и не подумал о таком дешёвом приёме. Хотя дешёвый-то он дешёвый, а я же повёлся. Но ведь старый ондатр знал? Или не знал, он вроде бы отошёл от дел? Но навести справки для него как когтем щёлкнуть? Или он всё-таки что-то делает? В общем, опять ощущение каких-то непоняток.

Это ещё не всё. Голохвастов вместе с Лотерейчик подбивают меня издать брошюрку про Пипищенко. Брошюрка анонимная, так что отвечать в случае чего буду я. Там не то что клевета или непроверяемые какие-то вещи. Всё из газет. Но что-то мне подсказывает, что после такой публикации у меня останется ровно половина друзей. А на следующий год та же Худодотовна беспомощно трепыхнёт крылышками и сообщит мне, что продлить лицензию не получилось, такая вот беда. Проблема в том, что если я не возьмусь за это дело, старая сойка меня всё равно пошлёт с лицензией, как неблагодарного пса, который ничем не заплатил ей за её хлопоты. Причём она так действительно думает, вот что самое противное. Вот эта дура, которая не видит дальше собственного клюва, но вот его-то она видит отлично. И что под ним – тоже. А я, получается, не вижу.

Я перечитал это письмо и хочу его выбросить. Какие-то пошленькие рефлексии домашнего щенка. Мне скоро пятьдесят, Рубен, я устроенное в жизни существо, у меня свой бизнес... хотя какой это бизнес, слёзы одни, но всё-таки. Есть какая-то уважуха и что-то за душой, что я сделал. И вот сейчас я на нервах пишу вот эту лабуду. И даже не знаю, о чём спросить.

Скоро три, меня в «К&К» ждёт Голохвастов. Пойду. Куда денусь.

Б. Р.

Борису Львовичу Ретриверу. От Рубена Залупаева

Уважаемый Борис Львович!

Во-первых, согласно нашим договорённостям, сообщаю Вам о том, что со мной на связь вышел Илья Занненхунд. Он написал короткое письмо с просьбой о встрече, специально оговаривая, что не хотел бы видеть на ней Вас. Предполагаю, что его проблемы усугубились, как финансовые, так и личные. Мне неловко об этом говорить, но он производит впечатление существа, употребляющего вещества.

Мне нужно знать, считаете ли Вы всё ещё его своим сотрудником или нет. Во втором случае – какими образом Вы собираетесь с ним делить имущественные и прочие права.

В-вторых, у меня есть несколько новых фактов о так называемой Сюзи Флокс. Я имел несколько личных встреч с одним из кадровиков «Дрэк Анлимитед» и попросил его выяснить обстоятельства работы г-жи Флокс в этой компании. Здесь я позволил себе воспользоваться Вашим именем и именем Голохвастова-Нащокина. Однако результат себя оправдал. Как выяснилось, сообщённые Вам сведения от г-на Голохвастова-Нащокина неполны и даже слишком завышают реальный статус г-жи Флокс.

Упомянутая особа действительно устроилась в «Дрэк Анлимитед» около двух лет назад. Однако проработала она там всего полтора месяца, после чего была уличена в нарушении корпоративной этики (о характере нарушения мой информатор сообщить отказался) и уволена. Далее, в январе этого года она устроилась на временную работу в региональное отделение «ДА», занимавшегося торговлей с Москвией.

Отделение не консультировалось с центром о вакансии в силу её незначительности: г-жа Флокс заняла должность счетовода в отделении, занимавшемся поставками из Москвии медвежатины, ворвани, пеньки и т. п. продуктов. Была уволена через два месяца в связи с неис-

полнением обязанностей. В Московию её не направляли, и, судя по всему, она в ней никогда не бывала.

Я также передавал ему пресловутую брошюру. Он мне её вернул со словами, что она наполовину списана (точнее, плохо переведена с английского) с внутренней инструкции для отправляющихся в Московию комиссионеров. В инструкции, среди всего прочего, содержалась краткая информация о найме медведей и связанных с этим проблемах. По поводу источников остальной информации мой конфиденгент выразил мнение, что в них имеются заимствования из популярного любовного романа писательницы-поняши Папилломы Пржевальской «Прикоснись ко мне нежно, Бруин». Текст содержит эротические сцены с участием ездовых медведей, в том числе фантастические (с насилием со стороны животных и т. п.). Роман получил Личную литературную премию Верховной Обаятельности и стал известен далеко за пределами Эквестрии. Скорее всего, г-жа Флокс читала англоязычную версию романа.

*Искренне Ваш Рубен Залупаев,
владелец «Рубен и партнёры».*

PS. Счёт за услуги прилагается.

PPS. Мне кажется, расслабляться не стоит. Вся эта ситуация в целом настораживает.

В редакцию издательства «Сенбернар, Занненхунд и Ретривер»

Господа!

Я, Отто Кац, мопс, сотрудник частного охранного предприятия «Ордуниг и Цугундер» (Хемуль, г. Дебет, ул. Силовиков), по служебным делам был командирован в Московию. Готовясь к поездке, я, среди прочего, приобрёл необходимую литературу для выживания в этих диких местах.

В частности, я за свои деньги приобрёл брошюру вашего издания, авторства Сюзи Флокс о московитских ездовых медведях. Я тщательно её исследовал и запомнил.

Когда я прибыл к московитам, я убедился, что стал жертвой розыгрыша или дурной шутки. Никаких ездовых медведей в Московии нет! За весь период пребывания в этих местах я не видел ни одного ездового медведя. Жители, которых я на эту тему интервьюировал, улыбаясь, уклонялись от ответов. Я пришел к неоспоримому выводу, что ездовые медведи – еще одна легенда, так называемая «кляква», какую распространяют московиты о себе. Вы же – издатели и дистрибьюторы этой «кляквы», жертвой которой стал я и интересы моих работодателей.

Если вы не приложите усилий, чтобы решить эту проблему и предложить мне достойную компенсацию, я найду иной способ возместить свои моральные и материальные потери. Скорее всего, он вам не понравится.

Свяжитесь со мной по адресу: г. Дебет, ул. Форфейтинговая, д. 24а, корп. 5, кв. 427, Отто Кацу. Обязательно укажите моё имя!

Честь имею кланяться,
Отто Кац.

Борис Ретривер – Рубену Залупаеву (отправлено с бэтменом)

Дорогой Рубен.

Это письмо ни о чём. То есть просто рассказываю, как у меня дела. Ты же меня иногда спрашиваешь? Ну вот я и отвечаю.

Сегодня я получил письмо от какого-то глупого нахального мопса, который купил брошюру про медведей в практических целях: кататься на них в Московии. Он туда приехал. А поскольку это существо – мудака и опездол (это видно), да ещё и сотрудник какого-то ЧОПа (и, скорее всего, также агент Ревизионной Комиссии), то медведи стали от него прятаться, отводя глаза. Из чего он заключил, что никаких медведей нет, и потребовал компенсации. Ну то есть

единственный, кажется, момент, который у этой скобейды был изложен правильно, сработал против нас.

Я даже не разозлился. Злился я раньше. Мне стало как-то всё равно. Я решил, что с меня хватит.

Вот в таком настроении я попал на очередную встречу с сойкой и ондатром.

Голохастов и Лотерейчик меня уже поджидали. Вид у них был самодовольный и плотоядный. Но мне было всё равно. Я лёг и сразу же заявил, что сегодня я без денег, так что попою тоника, а если хотят – пусть угощают. Худодотовна предложила свой кошелечек, но я осведомился, под какой процент она мне предлагает средства, и она отстала.

Старик попытался было завести своё любимое. Но я вместо этого сказал, что нужно решить несколько мелких деловых вопросов. После чего заявил, что кредит под одиннадцать процентов меня не устраивает, как и требуемый залог. Далее я сказал, что произвёл калькуляцию и понял, что работа с книгой про Московию, да ещё и с собственной бумагой, будет стоить дороже процесса печати в восемь раз, а то и больше. Так что я отложу этот проект до того момента, пока не смогу заплатить за него не глядя. И что огромную честь состоять в «Обществе ревнителей исконной русской словесности» я также вынужден отклонить. Потому что для меня это слишком дорого, о чём я раньше осведомлён не был.

Я не злился на них, нет. Я просто думал: а что они мне сделают? Фундаментально – уже ничего. Просто могут доставить разных хлопот. То есть вытащить из той норы, где мне тепло, уютно и мною пахнет. Так меня уже вытащили из норы. Мне теперь даже эссе Сянь Ши-Куя издавать не хочется. Так что я прикидывал, ехать ли мне сразу к «Тофсле и Вифсле», пока Худодотовна не разнесёт восточку, что у меня лицензии не будет. Раньше я о таком и подумать боялся, а в тот момент почувствовал даже какое-то облегчение. Ну его всё, гори оно огнём, но вот так – не будет.

В общем, я всё это сказал и собрался было уходить, а потом подумал – а чего это я? Тут и поесть можно, кормят-то хорошо. Подозвал официанта и заказал сырую говяжью косточку с мозгом, и без поварских надломов, чтобы зубы почесать. И счёт отдельно.

И тут я смотрю – они...

...Хорошо, не буду врать. Шёл я туда именно с таким настроением: всё это им высказать, а потом ещё косточку у них на глазах сожрать. На самом деле я как увидел этого недомерка-боярина, так хвост и опустил. Я его боюсь. Хотя нет, не боюсь, хуже. У меня чувство, будто я ему что-то должен. И с каждым разом это чувство всё сильнее. Хотя все его любезности – это чисто слова. Но он за слова-то и прихватывает.

В общем, я на всё согласился. То есть вообще на всё, включая брошюру про Пипищенко. Сам понимаю, что подписал себе приговор.

Извини, Рубен, скорее всего, это письмо я тебе точно не отправлю. Писать тебе хочется, а отправлять – нет. Я же не обязан доводить всё до так называемого логического конца. Я слишком часто получал им по лбу, этим самым логическим концом. Хватит.

Хотя нет, отправлю. Куда денусь.

Борис

Борису Львовичу Ретриверу. От Рубена Залупаева

Уважаемый Борис Львович!

Во-первых, согласно нашим договорённостям, сообщаю Вам, что Илья Занненхунд на встречу не явился. Не знаю, что и предполагать. Учитывая тот факт, что Илья является совладельцем издательства, я предвижу тяжёлые имиджевые и организационные проблемы в случае реализации некоторых сценариев. Надеюсь, до этого дело не дойдёт.

Во-вторых, я навёл справки по Отто Кацу, мопсу, сотруднику ЧОП «Ордуниг и Цугундер». В списках официальных сотрудников ЧОП «Ордуниг и Цугундер» такой сотрудник не

значится. По адресу г. Дебет, ул. Форфейтинговая, д. 24а, корп. 5, кв. 427 располагается так называемый «почтовый ящик», то есть небольшое бюро, занимающееся передачей частной корреспонденции. Район в целом имеет репутацию криминального, данный «почтовый ящик» несколько раз использовался для передачи писем шантажистов.

Однако, по слухам, ЧОП «Орднунг и Цугундер» часто используется как прикрытие или «занавеска» для операций Ревизионной Комиссии. По некоторым данным, Комиссия в последнее время резко усилила свою активность в Московии. Имеется также информация, что указанный выше «почтовый ящик» на самом деле контролируется Ревизионной Комиссией.

В данном случае я не могу дать никаких рекомендаций, но ситуацию считаю крайне тревожной.

PS. Счёт за услуги прилагается.

PPS. Мне хотелось бы знать, не случилось ли чего-нибудь с Мишей Сенбернаром.

Борис Ретривер – Рубену Залупаеву (отправлено с бэтменом)

Дорогой Рубен.

Я продал свою долю в издательстве «Тофсле и Вифсле». То есть нужно ещё всё это оформить, но суть в том, что я её продал. Все 56 %. С Мишей я поговорил, объяснил ему ситуацию. Он свои 10 % будет держать, но, думаю, недолго. С Ильёй пусть сами разбираются. Вот уж на кого мне наплевать, так это на Илью.

«Тофсла и Вифсла» – это, конечно, чудовищно. Но они единственные, у кого нашлись свободные деньги, чтобы выкупить мою долю.

Я устал, я ухожу, мне всё надоело.

Конечно, это не из-за этой идиотской истории с Сюзи Флокс и дурацким ондатром. Нет никакой связи. Просто я устал. Всё, что я делал, никому не нужно. Ну да, мы издали Строгова. Он лежит на складе уже пять лет. И Вальтера Минца. Он на том же складе, только правее у стенки. Я уже заплатил за хранение трёхтомника столько же, сколько потратил на издание. Продаётся одна макулатура, которую «Тофсла-Вифсла» и производит. И по сравнению с которой сочинение Флокс – это цветок душистых прерий.

Кстати, купил тофсло-вифсловского Плутарха. Три тома. Как-то они его умудряются продавать, хотя книга из Сундука и издавалась. Дочь знает сколько раз. Правда, у них хорошие иллюстрации и золочёный корешок. У дорогих изданий золотишко повышает продажи. Ну что ж, я этого достоин. Во всех смыслах.

К сожалению, наше деловое сотрудничество тоже завершается. В любом случае, встретиться со мной в течение этого месяца, чтобы закрыть все вопросы. Мне будет тебя не хватать в Нетто. Ты был единственным, кто меня никогда не напрягал и не дёргал по пустякам. Ты спокойно и без лишних трепыханий решал вопросы. Я всегда это ценил. Фактически, ты был единственным, кому можно было доверять.

Да, кстати: только тебе. В качестве прощального презента я распорядился выбросить остатки тиража Флокс в продажу, плюс заказал ещё две тысячи. Деньги небольшие, зато приятно. Главное – когда они поступят в продажу, меня здесь не будет.

Борис

Платону Ефремовичу Голохвастову-Нащокину. От Рубена Залупаева

Уважаемый Платон Ефремович!

Во-первых, согласно нашим договорённостям, пересылаю Вам копию письма г-на Ретривера. Осмелюсь заметить, что Борис повёл себя именно так, как мы и предполагали. Уместным оказался и штрих с «Отто Кацем». Важно было создать атмосферу сгущающихся со всех сторон угроз и дискомфортных обстоятельств, подталкивающую разрабатываемый объект к намеченному нами решению.

Во-вторых, я составил для Ваших юристов краткую справку по слабым и проблемным местам издательства, что при грамотном торге позволит существенно снизить цену при его приобретении «Тофслой и Вифслой». Вам её не отправляю, поскольку не думаю, что она Вам может зачем-либо понадобиться.

В-третьих, вопрос с долей г-на Занненхунда я решу в течение недели. С Сенбернаром будет несколько сложнее, но не предвижу больших трудностей. Но, возможно, его стоит оставить как специалиста по сложным и проблемным изданиям, если таковые будут? Разумеется, это всего лишь моё мнение.

PS. Счёт за услуги прилагается.

PPS. Мне хотелось бы получить небольшую премию за работу с г-ном Занненхундом. На г-на Занненхунда наиболее сильное действие производит картофельный самогон. Мой сотрудник, работающий с ним сейчас, беспокоится за свою печень.

Платону Ефремовичу Голохвастову-Нащокину от Цыбули Зусь-Худодотовны Лотерейчик (отправлено с бэтменом)

Cher ami,

мы успели буквально в последнюю минуту. На совещании у Пипищенко я своими глазами видела законопроект «Об укрупнении издательств и социальной ответственности издательского бизнеса». Среди прочего, там чёрным по белому написано, что издательства, не публикующие справочной литературы и современных *intellectuels*, идут в чёрный список на лишение лицензии. Какой-то *miserable* даже составил этот список. Наша «Тофсла и Вифсла» шла в нём третьей, и то лишь потому, что ты удосужился опубликовать справочник по Москве. Но увы, *cela ne suffit pas!* Если этот ужасный законопроект будет всё-таки принят (а он будет принят), я не смогла бы спасти нашу чудесную «Тофслу и Вифслу» даже с моими связями.

Но теперь, конечно, *probleme* решается наилучшим образом. Борис регулярно издавал справочники и был, кажется, единственный *original* в этой среде, уделявший внимание современным авторам. Приобретая его активы, мы наследуем, так сказать, и его *dossier d'emprunteur* – в данном случае я имею в виду *renommée*. Так что теперь «Тофсле и Вифсле» ничего не угрожает. Разве что Пипищенко узнает о его настоящих владельцах, но это *invraisemblablement*.

Это ещё не всё. На том же совещании я узнала, что лично Моррой принято стратегическое решение о введении всеобщего начального образования – как в Директории. Это потребует огромных расходов, в том числе на учебники *etc.* Если так, то в этом деле желательна монополия, *n'est-ce pas?*

Мне очень жаль, что мы лишаемся общества Бориса. Я любила его, а тебя он, насколько я понимаю, развлекал. Что ж, нам всем приходится иногда идти на известные жертвы.

Знаешь, я немного завидую Борису. Что может быть лучше – жить простой жизнью на лоне Природы? Возможно, когда-нибудь... но не сейчас, поп. Пусть я уже не та маленькая соечка с колечком в клювике, но я ещё *jeune de soeur* – или, по-русски, молода душой. К тому же старость в Хе муле ужасно разорительна! Я просто не могу позволить себе этого, пока не верну себе – ты знаешь, я ненавижу слово «заработок», настоящая женщина не «зарабатывает», а возвращает себе полагающееся ей по праву женщины – хотя бы ещё несколько *millions*.

PS. Всё-таки не могу простить Борису этой последней выходки – снова выложить на прилавок эту глупую, гадкую брошюру Флокс! Это в высшей степени возмутительно.

Cordialement a vous,

Ц.Л.

Пятый ключик, учёный

О. Васисуалий Астматик. Ордена эквестрии

*Читать непосредственно перед – или сразу после -
45-й Главы Первого тома.*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Статья педобира Васисуалия Астматика была написана по заказу популярного журнала GQ, одно время пытавшегося позиционировать себя как интеллектуальное издание. Однако она не была принята в печать, судя по внутриредакционной рецензии, как «длинная, занудная и неприкольная». Об этом о. Васисуалий не узнал: к тому времени он скончался от аллергического отёка лёгких.

О. Васисуалий более тридцати лет прожил в Вондерленде, когда он принадлежал педобирам, и был одним из тех, кто остался в нём после запоянивания. Благодаря уму, осторожности и благоприятно сложившимся обстоятельствам он довольно быстро получил покровительство Верховной и в дальнейшем использовал его во благо небольшой общины умственно-свободных коренных жителей Вондерленда. Его лояльность новым властям Вондерленда была вполне искренней, но не переходила в то чрезмерное восхищение, которое обычно вызывает подозрения в занятии. Однако длительное пребывание в обществе понятиш оставляет в его текстах следы той специфической осторожности, которая обычно отличает живущих в Эквестрии «низкопородных» (не-пони). Эти следы легко обнаружить и в данном тексте. Тем не менее в настоящий момент эту статью следует признать лучшим обзорным материалом по эквестрийской системе высших наград.

Все примечания принадлежат автору.

Кель Селевендра, баклан, научный редактор журнала «История и современность» (Директория)

ТЕКСТ

Вступление

Государственные награды – ордена, медали, иные знаки отличия – являются древним и хорошо известным способом поощрения граждан за заслуги перед государством, как благодарность за выдающиеся деяния и как средство управления социальной иерархией наверху общественной пирамиды. Кроме того, государственные награды укрепляют лояльность именно тех граждан, которые имеют для неё меньше оснований, чем другие – начиная от популярных общественных деятелей и кончая иностранцами, в том числе высокопоставленными. Таким образом, государственные награды следует отнести к средствам государственного управления.

Первые наградные системы возникли ещё в дохолокостные времена. Известны, например, древнеегипетские наградные знаки или древнеримские фалеры. Однако классический вид наградная система приобрела в древней Британии, а после во Франции. Именно там сложилось понимание высшей награды как знака принадлежности к сообществу награждённых (ордену), имеющему особые отношения с источником чести, то есть с сувереном (субъектом или инстанцией).

В дальнейшем наградная система подверглась тому, чему подвергается любая государственная система распределения ценностей – инфляции. Государства предпочитали расплачиваться со своими гражданами не материальными благами, а кусками металла, которые не

давали их владельцам почти ничего, даже уважения окружающих. Девальвировались даже высшие награды, так как ими награждали лиц недостойных – во всяком случае, в глазах общества. Одновременно увеличилось значение иных средств обеспечения лояльности, например, массовой пропаганды. Всё это привело к упадку наградных систем.

Своего рода ренессанс произошёл во времена становления двух последних человеческих сверхдержав – Эстонской и Румынской Империй. Наши знания об этих образованиях весьма неполны и фрагментарны, но среди сохранившихся в убежищах документов – в основном военной документации – имеются и инструкции о награждениях¹. Из них известно, в частности, то, что все этнически чистые эстонцы через месяц после рождения награждались орденами: мальчикам – орден Тиблобая, девочкам – орден Чистокровки. Эти награды присуждались негосударственной организацией «Фонд толерантности и интеграции имени Йоханнеса Соодлы» и, таким образом, как бы не имели государственного статуса. Однако государство признавало за обладателями этих наград некоторые особые привилегии – например, право на суд равных, то есть право отзыва присяжных, не являющихся кавалерами данных орденов. Похожая система была принята в Румынской Империи, в которой некоторые особенно равные граждане награждались на совершеннолетие (т. е. в 5 лет) именным ножом-серборезом, присуждаемым Капитулом Древнего и Почтенного Ордена Истинных Хорватов, и Цыганским Кнутом от Великого Табора. Государство, в свою очередь, признавало право граждан использовать эти награды по отношению к негражданам каким угодно образом, в том числе и по прямому назначению.

Все эти ухищрения были связаны с чисто юридическими моментами – обе империи пытались до последнего момента сохранить старые республиканские конституции, в которых декларировалось право всех жителей на защиту закона и т. п. В дальнейшем, когда обе сверхдержавы вступили в период открытой конфронтации и объявили себя империями, прямая нужда в этих мерах отпала, однако отказываться от работающих механизмов никто, видимо, не стал.

При этом чисто военная система наград в империях деградировала. В эстонской армии имелись две военные награды: «медаль» и «орден». Медаль вручалась «за заслуги», орден – «за большие заслуги». В сохранившихся воспоминаниях участников войны, общавшихся с настоящими людьми, имеются сведения, что присуждение воину медали сопровождалось уменьшением издевательств и побоев со стороны старослужащих, а орден давал неформальное право бить и издеваться самому. В Румынии же, согласно тем же источникам, была введена изощрённая система наград, включавшая около двух с половиной тысяч разнообразных орденов, медалей, знаков отличия, почётных знаков, знаков милости, высочайших и высоких даров, призовых символов, премиальных ферул, высочайше дарованных титулатур и т. п. Все они не имели материального эквивалента и существовали только в виде электронных записей. Предполагалось, что эти награды будут вручены после победы. Субъективная ценность их была невелика².

После Прожарки, Хомокоста и периода хаоса на территориях Восточного полушария стали образовываться новые, уже нечеловеческие государства. Разумеется, они создавались по образу и подобию тех государственных структур, которые были знакомы новым существам. В основном это были военные и военизированные структуры двух империй, в которых награды ценились мало (см. выше). Поэтому неудивительно, что в первое время наиболее распространёнными наградами стали материальные ценности – еда, оружие, ездовой и служащий электротат и т. п.

¹ К сожалению, у нас нет никакой информации о реквизитах этих документов – то есть о том, от кого они исходили, кому, когда и т. п. Согласно законам военного времени, в обеих империях все эти сведения шифровались. Коды к этим шифрам до сих пор не обнаружены.

² Это мнение основано не только на воспоминаниях, но и на документах. В одном из изолированных бункеров сохранился фрагмент черновика частного письма румынского килоефрейтора Помпилиу Мудипополу домой, из которого, в частности, следует, что приказ о награждении Высочайшим Орденом Михая Отважного Первой степени с мечами, золотой короной и иридиевым ликом героя легко обменивался на зубную щётку или две сигареты.

Первая система отличий в традиционном смысле этого слова появилась – или возродилась – в Директории. Обладая дохомокожными биотехнологиями, власти Директории имели возможность награждать отличившихся граждан знаками достоинства, являющимися частями тела. Возникли такие награды, как пожалованные клыки, бивни или рога, почётные крылья и т. п. Всё это, однако, оказалось неудобным, прежде всего для самих награждаемых. Известна история о неоднократном жаловании некоего бизнесмена-филантропа дополнительными анусами, из-за чего тот приобрёл фамилию Сорокожопкин и проблему с дефекацией, в чём-то подобную известному затруднению буриданова осла. Также известно, что один из первых губернаторов Директории, любивший почести и знаки отличия, в результате всех наград превратился в семиногого восьмихуя, что отрицательно сказалось на имидже государственной власти. Так или иначе, биологические отличия были постепенно заменены на чисто символические изображения таковых, носимые в особых случаях. Исключений сохранилось всего два: орден Пятой Ноги для собачьих основ, а также высшая награда Директории – первая степень ордена Третьего Глаза. Эти две награды до сих пор имеют биологический эквивалент. (Следует, впрочем, отметить, что принятие Глаза сопровождается перестройкой коры мозга и рядом иных процедур, которые дают кавалерам данного ордена некие ментальные преимущества, обтекаемо именуемые «расширением кругозора».)

Следом за Директорией своей системой отличий обзавелись окрестные домены, а также и отдельные сообщества. Иногда они имели биологическую природу. Например, педобиры одно время практиковали систему почётного заражения церемониальными глистами – в основном генномодифицированными цепнями и солитёрами разных степеней. Награждения Большим Киркоровским Солитёром изредка производятся и сейчас и считаются огромной честью. Однако в подавляющем большинстве случаев эволюция шла в сторону классических наградных знаков.

Что касается организационной стороны дела, то здесь также наблюдалось несколько большее разнообразие. В целом была возрождена идея орденского сообщества как элитарной общности избранных, обладающих особыми правами существ, получающих эти права из рук сюзерена. Однако конкретное наполнение этого общего принципа различается от домена к домену. Например, орденские гарантийно-поручительские общества Хемуля по своим функциям мало напоминают орденосные бандформирования нахнахов.

В связи с этим особенного внимания заслуживает орденская система Эквестрии. Она является одной из самых простых, но в то же время разработанных и продуманных орденских систем и весьма близка к древним дохомокожным образцам. При этом своеобразие понятий цивилизации накладывает на эту систему своеобразный, но узнаваемый отпечаток.

Историческая справка

Строго говоря, древнейшим орденом Эквестрии – в собственном смысле слова «орден» – можно считать ранний Пуси-Раут, созданный Уси Пуси Единственной-и-Неповторимой. Собственно, он и был задуман Единственной именно как сообщество приближённых. Как известно, само слово «пуся», ныне играющее роль титула, восходит к имени древней Верховной. Будучи раритетом и не имея потомства, она даровала своё личное имя ближайшим соратникам – тем самым символически удочерив их. Возможно, подобная система имела бы шансы установиться в Эквестрии надолго. Однако последовавшие за этим трагические события – то есть правление Ночной Кобылы, Негражданские войны и переосмысление роли Раута – привели к иному развитию этого института, который приобрёл черты постоянно действующего консультативно-экспертного совета при Верховной с довольно значительными правами и полномочиями. Политологи обычно определяют Пуси-Раут как «стабильный протопарламент». Это определение, при всей его парадоксальности, я нахожу достаточно точным.

Если принимать всерьёз миф о Нэйтмуре Даркмуном, то можно сказать, что некими чертами ордена обладали её так называемые «ближницы». Согласно легендам, они носили на теле знаки отличия в виде выжженных клейм («кьютимарки»), и эти клейма надо было заслужить, попытки же подделки таковых жестоко карались. Вполне возможно, что – вне зависимости от количества исторической правды, содержащейся в преданиях о Ночной Кобыле – нечто подобное имело место во время Негражданских войн. Об этом свидетельствует один из ранних декретов Уруру Левинской Первой, приравнивающей клеймение высокопородных к увечью и категорически запрещающей нанесение так называемых «марок».

Стоит отметить, что именно Уруру Левинская Первая создала первый орден, сохранивший свою природу по сей день – орден Узды. В дальнейшем вся система награждений и почётных отличий Эквестрии строилась по образу и подобию этого первого ордена.

Наградная система Эквестрии в целом

Система построена по пирамидальному принципу. Её вершину составляют ордена – которые определяются прежде всего как сообщества награждённых. Их пять, причём четыре из них предназначены только для пони. Это ордена Узды, Стремени, Дышла и Шлеи, а также орден Боярышника.

Первый и древнейший орден – Узда – существует ныне в четырёх видах, три из которых (Стальная, Медная и Серебряная Узда) именуются ординарными и равны по достоинству, а последний – Золотая Узда – считается экстраординарным и стоит выше. Ордена Стремени и Дышла имели по четыре восходящие степени со дня созыва. Четвёртый орден – Шлея – различается по так называемым каденциям, каковых три: Атласная, Бархатная и Парчовая. Кроме того, первые две каденции имеют так называемые расположения – Высокое (Подхвостное) и Низкое.

Существует также Орден охотниц Вондерленда. Мне не известно об этой организации ничего достоверного, поэтому я не буду её рассматривать.

Честь, воздаваемая Орденам и их кавалеркам, определяется древностью орденов. Первое место по праву занимает Узда. Дышло и Стремя были созданы одновременно. Указ о созыве ордена Стремени предшествовал указу о созыве ордена Дышла, однако первое награждение Дышлом состоялось на полгода раньше первого награждения Стременем. Это – а также сам смысл данных наград – служит источником непринципиальных, но постоянных трений между кавалерками. Что касается Шлеи, то этот орден самый молодой. Он замыкает систему высших наград, предназначенных для поняш.

Ниже по иерархии стоят собственно награды, то есть именные дары Верховной, дающие определённые личные привилегии. Сообществ обладательниц даров в собственном смысле не существует, однако их обладательницы претендуют на особое отношение к себе – и в большинстве случаев его получают. Некоторые дары считаются очень почётными, а некоторые по значимости и чести сравнимы с орденами. Например, виссоновая балаклава для многих является более желанной наградой, чем Дышло первой степени. Однако есть простой критерий, отделяющий ордена от даров: дары могут быть вручены многократно, а ордена нет. Правда, неоднократные вручения одинаковых даров в некоторых случаях воспринимаются не как знаки благоволения, а наоборот. Например, неоднократное дарование одинаковых балаклав – учитывая, что этикет требует их ношения одновременно – в большинстве случаев воспринимается как форма тонкого глумления. То же самое относится к таким дарам, как почётные фаллоимитаторы разных форм и размеров (тоже обязательные для ношения) и т. п. Но в большинстве случаев дары, конечно же, желанны.

Основание пирамиды составляют призы, дипломы, знаки отличия, почётные звания, памятные медальоны, и, наконец, денежные пожалования (от премий до пенсионов). Они могут быть дарованы как Верховной лично, так и иными уважаемыми институциями – напри-

мер, общественными организациями. Любопытно, что в число таковых официально входят и капитулы орденов – имеющие, таким образом, возможность поощрять лиц, не имеющих вагства в ордене. Обычно капитул обозначает свою благосклонность и покровительство небольшими ценными подарками со своей символикой. Они особенно ценятся среди низко- и среднепородных обитателей Эквестрии. Чтобы не подбирать примеров: я лично, помимо собственно пожалованного мне орденского достоинства, то есть Боярышника второй степени, имею честь быть обладателем почётного золотого гребня от Эквестрийской Академии, сувенирного подхвостника с трещоткой от Ассоциации гуманитарных исследователей Понивилля, а также парадной борсетки от капитула Бронзовой Узды. Она является значимым дополнением к Боярышнику, поскольку подчёркивает и некоторым образом раскрывает характер пожалования: гуманитарные достижения.

В дальнейшем мы будем говорить именно об орденской системе.

Орден Узды

Изначально это был чисто военный орден, то есть сообщество отличившихся в Негражданских войнах ветеранов, в каковое по праву входила и сама его создательница, Уруру Левинская Первая. Однако естественное развитие событий привело к осознанию того, что необходимо расширять социальную базу режима. Поэтому орден, получаемый за чисто военные заслуги, стал именоваться Стальной Уздой, а помимо него были введены ещё два вида.

Первой стала Серебряная Узда, созданная Уруру Ноттигхильской Второй. Первоначально она вручалась за благотворительность в отношении ветеранов войны, помощь военным сиротам и т. п. В дальнейшем она стала вручаться и за любую благотворительную деятельность вообще, а также за полезные и успешные гражданские инициативы и так называемые «мирные завоевания».

Бронзовая Узда появилась при втором правлении Утютю Момышевой-Монро Первой Третьей, покровительницы искусств и наук. Она вручается за успехи в области культуры и искусства, а в дальнейшем – за научные и просветительские достижения.

Золотая Узда была создана последней, уже при Вах-Вах Пэрсик (которая также основала Орден Шлеи). В орденском статуте сказано: *«Золотая Узда есть награда чрезвычайная, вознесённая выше всех поименованных наград. Никакие точные и определённые заслуги не назначаются законом для достижения сего ордена, и удостоверение оным зависит единственно от Верховного доверия к службе и деяниям награждаемой. Награждение же производится не иначе, как по непосредственному и личному Их Грациозности усмотрению».*

Ношение Узды и регалий определяется протоколом. Вкратце: допускается ношение награды непосредственно, а также в виде символического изображения на балаклаве или с орденской маской – для пущь.

Стальная Узда

Согласно Статуту, в Орден принимают исключительно за подвиги, совершённые на поле боя, и он не может быть вручён ни по какой иной причине. Исключение всего одно: Стальная Узда обыкновенно даруется Верховной, уходящей на покой. Если в её правление случились войны, она награждается как Главнокомандующий, если нет – Стальная Узда присваивается за сохранение мира и территориальной целостности домена. Такой порядок был введён Уруру Третьей, наградившей Уруру Вторую со словами «она выиграла мир» и «более всего я желала бы, чтобы эта Сталь осталась единственной, дарованной в моё правление». С тех пор это стало обычаем. Единственный случай, когда порядок нарушился, был уход Мимими Первой после потери Северных земель. При этом уходящая Верховная сама просила не вручать ей Узду. Однако Мимими Вторая, вернув территории, всё же возложила её на свою предшественницу. Этот жест вызвал одобрение полусвета.

Степеней или классов как таковых нет. Вместо них приняты так называемые регалии, указывающие на характер деяния, за которое кандидатка была удостоена награды. Это бубенцы (за выигранные сражения), колокольцы (за успешный штурм укреплений), чеши гремлячие (за пленение силой или заняшивание вражеского командира, а также за спасение жизни или вызволение из плена поняши), гравированное грызло (за оборону, разведывательно-диверсионную деятельность, тайные операции) и псалии (за т. н. «решающий вклад»). Регалии могут жаловаться несколько раз. Например, у близкой соратницы УП Артемиды Осташвили было пять пар бубенцов, четыре колокольца, два грызла и псалии.

Награждает Орденом Верховная. Однако большое влияние на политику награждений и внутриорденскую жизнь имеет Конклав Ордена, который рассматривает представления к награде и регалиям.

Конклав состоит из Суверенки (это сама Верховная) и пяти Провинциалок, каждая из которых представляет один из военных округов Эквестрии. При Мимими Второй установлены места для Провинциалок Вондерленда и Северных Земель, но они вакантны. Таким образом Великая ещё раз подчёркивает официальную позицию Понивилля, которая состоит в том, что Вондерленд был «интегрирован в Эквестрию мирным путём». Я ни в коей мере не намерен участвовать в каких бы то ни было дискуссиях на эту тему.

Должности Провинциалок пожизненные; однако длительное непосещение заседаний Конклава и иные обстоятельства, не связанные с утратой доверия, могут быть причиной перевода в Досточтимые (почётные) Провинциалки. Такой перевод обычно принимается Конклавом и сопровождается представлением о награждении кандидатки рядом ценных даров. Например, недавний уход с поста Провинциалки от Закавайского военного округа Эммануэли Сильвии Кристаллинской сопровождался дарованием ей виссоновой балаклавы, золотого корыта, алмазного налобника и ещё около двадцати наград, включая пожалования земель, электоратом и право пользования отборными жеребцами из личной конюшни Верховной.

Решения Конклава принимаются большинством голосов. Учитывая все обстоятельства, это означает, что Верховная всегда может утвердить свою волю присущим ей образом. Однако это не принято; поняши же считаются с обычаями.

Теоретически может возникнуть ситуация, когда число ваг Ордена сократится настолько, что даже места в Конклаве останутся вакантными (например, в эпоху очень длительного мира). Такого до сих пор не случалось, однако споры по поводу того, что делать в подобной ситуации, весьма популярны среди орденосиц и считаются одобряемой темой обсуждений на орденских собраниях. На мой взгляд, удачнее всего по этому поводу выразилась Уруру Вторая, ни в коей мере не страдавшая милитаристским зудом. Однако она как-то сказала: «Если у нас кончатся героини, я создам все необходимые условия, чтобы они появились».

Образцовым награждением можно считать дарование Стальной Узды с колокольцами, чепями и псалиями Жанне Голоте, героине войны за Северные земли, руководившей штурмом замка Галибурдуш и лично заняшившей его владельца, авторитетного упыря Ктуса Щипчинского.

Девиз (иногда именуемый «политическим кредо») Стальной Узды: «Всегда».

Бронзовая Узда

Бронзовая Узда – вождественнейшая награда для учёного или литератора. Она даётся как знак признания заслуг перед наукой или культурой Эквестрии.

Регалий у Бронзовой Узды в настоящий момент нет, кроме бубенцов особенного, пронзительного звона, присваиваемых поэтессам. Такой порядок заведён самой Утюю Перво-Третьей. По легенде, У1-Ш не любила поэзию и особенно поэтесс, досаждавших ей хвалебными одами. Поэтому она наградила их тонкозвонными бубенцами, чтобы слышать их приближение загодя. Разумеется, это именно легенда: нет никаких надёжных исторических свидетельств,

указывающих, что Верховная Обаятельница и в самом деле имела подобную фобию. Более того, в архивах Верховной сохранилась любовная лирика её авторства, по уверениям читавших – весьма изящная.

Конклав Ордена первоначально состоял из семи Эксперток, добившихся успехов в математике, физике, химии, биологии, архитектуре, экономике и литературе. В настоящий момент Конклав составляют тридцать четыре Экспертки, занимающиеся разными направлениями, и на Конклаве постоянно ставится вопрос о дальнейшем увеличении их числа.

Награждения производятся за выдающиеся достижения в науке и культуре. Оно может иметь место не менее чем через пять лет после самого достижения (открытия, изобретения, первой публикации и т. п.). Такое правило введено следующей за Утютю Верховной Обаятельницей, Аняня Бамбиной-Жозефиной Второй, «дабы избежать влияния преходящей моды и суетных настроений момента». По легенде, правило было введено, так как АП досаждала просьбами одна из её возлюбленных, желавшая получить Бронзу за венок посредственных сонетов. Но это именно легенда, которую я упоминаю лишь потому, что она проникла даже в научную литературу. Нет никаких оснований полагать, что АП была недостаточно грациозна, чтобы решить этот вопрос обычным способом – хотя именно такие слухи усиленно распускались после её кончины.

Верхняя временная граница рассмотрения не установлена. Более того, при Вах Вах Пэрсик Конклав Бронзовой Узды, наряду с Конклавом Бархатной Шлеи, получил право присвоения Бронзовой Узды посмертно. ВВП аргументировала это решение в своей обычной манере – «это справедливо, а значит – полезно». Она же позволила присваивать Бронзу «великим творцам древности, недостаточно оценённым неблагодарными соплеменниками». Это позволило Конклаву поднять вопрос о присвоении Узды некоторым древним человеческим литераторам, чьи творения сохранились в Сундуке Мертвеца. В настоящий момент посмертной Бронзой награждены Гомер, Мильтон и Маяковский. Также в Конклаве уже второе десятилетие ведутся жаркие дискуссии о присвоении Узды Сергею Лукьяненко и Александру Невзорову. Мнение полусвета склоняется к тому, что Невзоров достоин награждения, что же касается Лукьяненко, то необходима более углублённая экспертиза его творчества в разрезе отношения к лошадям.

Совсем недавно был поднят вопрос о присвоении Узды выдающемуся мыслителю и педагогу прошлого Зенобию Тененбойму, пластинчатожаберному по основе. Эта инициатива, по слухам, вызвала одобрение самой Верховной. Некоторые даже поговаривают о возможности награждения Бронзой ныне живущих низкопородных существ. Это может кардинально изменить статус Ордена и сделать его мощным рычагом внешнего влияния – разумеется, только в том случае, если его достоинство внутри самой Эквестрии из-за этого не упадёт. Пока что полной уверенности в этом нет, а Верховная не спешит высказывать своё мнение.

Конклав Бронзовой Узды считается самым «строптивым» из всех. В частности, он широко пользуется возможностью преподносить не допущенным в Орден памятные призы и подарки. Далеко не всегда эти приношения дружественны. Тому пример – недавняя история с прозойкой Папилломой Пржевальской, чьё творчество весьма популярно, но только не среди бронзовоуздых интеллектуалок. Папиллома долго домогалась Бронзы, и в конце концов Их Грациозность – как обычно, с присущей ей деликатностью – высказала нескольким обладательницам этой награды мнение, что Пржевальская её достойна. Конклав отреагировал очень быстро, приняв решение о даровании Папилломе ночного горшка с орденской символикой. Тем самым Папиллома была поставлена в затруднительное положение: не приняв награду, она нанесла бы оскорбление Ордену, после чего о вхождении в него уже не могло бы быть и речи, а приняв – наносила бы оскорбление самим фактом использования данного предмета по назначению. Неиспользование же орденской награды тоже считается оскорбительным, так как это воспринимается как проявление невнимания. Папиллома награду приняла. Через некоторое время, отвечая в интервью на вопрос о том, пользуется ли она горшком, Пржевальская отве-

тила утвердительно, но разъяснила, что использовала его по прямому назначению лишь единожды, так как высадила в нём фикус, а своим навозом лишь удобрила для него почву. Этот изящный жест вызвал одобрение полусвета.

Известной проблемой является удаление Эксперток из Конклава по причинам, не связанным с утратой доверия. Как правило, Конклав раздирают ссоры и интриги, в том числе и по этому поводу. Несколько раз инициировалось изгнание тех или иных Эксперток по причинам наподобие «замшелость вкусов» и «отсталость от новейших реалий». Нынешняя Верховная, Мимими Вторая, по таким вопросам придерживается политики строгого нейтралитета.

Девиз Бронзовой Узды: «Крепче меди». Для поэтов и прозаиков допустим также латинский эквивалент.

Серебряная Узда

Как уже было сказано выше, Серебряная Узда появилась при Уруру Второй как награда за благотворительную помощь ветеранам. Однако очень скоро функции этого ордена расширились – им были награждены организаторки военных производств, отличившиеся сотрудницы тылового обеспечения и т. д. В настоящий момент к ордену представляют тех, кто внёс значительный вклад в военную победу не на поле боя, а также – участвовавших в послевоенном восстановлении и помогавших ветеранам.

Регалии те же, с добавлением погремков, которые даруются за благотворительность и щедрые финансовые пожертвования. Остальные регалии имеют иной смысл. Например, бубенцы даются за взлом шифров противника, аналитическую работу с открытыми источниками и т. п.

Внутреннее устройство такое же, как и у Стальной Узды, но Конклав состоит из одиннадцати Блюстительниц от административных единиц Эквестрии (кантонов). При Мимими Второй два места получили представительницы Вондерленда и Северных Земель.

В отличие от Конклава Стальной Узды, с Конклавом Серебряной проблем меньше, так как сложилась традиция добровольного ухода Блюстительниц от дел, что называется «уходом на покой». Обычно такой уход сопровождается даром от Верховной в виде недвижимости в престижном или живописном месте. Престижность и живописность обычно зависят от того, насколько Блюстительница угодила Верховной, в том числе и своевременностью ухода.

В общем, Серебряная Узда считается наградой не боевой, но всё же военной. В частности, именно Серебром были вознаграждены поняши, отличившиеся во время интеграции Вондерленда. Это вызвало неоднозначную реакцию в полусвете, однако в целом было воспринято с пониманием, каковому особенно способствовали щедрые дары награждаемым от Верховной.

Типажным случаем дарования Серебряной Узды можно считать её присвоение Мирре Ловицкой за участие в основании поселения Кавай в Вондерленде – а фактически за её активнейшее участие в интеграции Вондерленда в состав Эквестрии.

Девиз Серебряной Узды: «Всё для победы».

Золотая Узда

Если Стальная Узда обычно именуется первым по чести отличием, то Золотая Узда – отличие по чести высшее, экстраординарное. В чём это выражается на практике, мы опишем ниже.

Золотая Узда была созвана Вах Вах Пэрсик. Стоит заметить, что, несмотря на всю эксцентричность этого короткого, но яркого правления, созданные ВВП институты оказались весьма востребованными. В частности, Золотая Узда, несмотря на более чем двусмысленные обстоятельства появления, оказалась высокополезным инструментом.

Как уже было сказано, никаких правил присвоения этой награды не существует, кроме воли самой Верховной Обаятельности. В указах о награждении обычно используются двусмыс-

ленные и расплывчатые формулировки, не имеющие отношения к сути дела, но более или менее подходящие к случаю. Например, для понятия, много лет трудившейся на государственной службе, считается подходящей формулировка «за многолетнюю добросовестную работу», если же она не работала нигде и никогда, то используется оборот «за многочисленные достохвалы деяния». В конце указа обязательно имеется фраза «за успешное оправдание оказанного Нами высокого доверия».

Тем не менее в большинстве случаев полусвет отчасти осведомлён, за что именно та или иная поняша удостоена столь высокой награды. Обыкновенно речь идёт о каких-то рискованных, но важных услугах, оказанных лично Верховной, иногда – с риском для жизни, здоровья или чести. Обычно некое указание содержится в регалиях. Так, Золотая Узда с бубенцами как бы намекает на то, что награждённая предотвратила распространение нежелательной для Верховной информации. Грызло, по слухам, даётся тем, кто добудет для Верховной что-либо важное или желанное для неё, будь то существо, вещь или сведения. Особняком стоят псалии: Золотая Узда с псалиями указывает на то, что не благословляется даже гадать (особенно вслух) о том, чем же именно награждённая угодила Верховной.

Следует отметить, что, согласно общему Статуту Ордена Узды, в документах каждого Конклава о принятии в Орден нового члена обязательно должна указываться точная причина такового принятия. Поэтому Конклава Золотой Узды не существует.

Примеры награждений Золотой Уздой были во всех правлениях, но приводить их – вместе с сопутствующими слухами – я, в силу своего положения, воздержусь.

Девиз Золотой Узды: «Сделано, и молчит».

Орден Стремени

Орден был создан при Аняня Бамбине-Жозефине Второй. С самого начала он был задуман как универсальная награда за личные достижения и рекорды всех видов, включая даже спортивные рекорды (напомним, что спорт снова вошёл в жизнь поняш именно при АП). Например, Стремени соответствующих степеней обычно награждаются победительницы Эквестрийских Игр. Но Стремени может удостоиться и директорка завода, выпускающего новую продукцию, и рекордно многодетная мать. Вообще оно даётся отличившимся – в прямом смысле этого слова.

Я долго думал, как выразить одной фразой саму идею Ордена Стремени, пока мне не поспособствовала в том в высшей степени уважаемая мной за интеллектуальную честность высокородная Мирра Ловицкая. В частной беседе на эту тему она сформулировала суть дела так: «Стремя – для тех, кто выиграл по правилам». Точнее выразиться невозможно, хотя для большинства высокородных поняш эта идея очевидна и так.

Орден имеет четыре степени – Простое, Полированное, Посеребрённое, Позолоченное. Первые две степени открыты для всех, и число награждённых не ограничено. Число допущенных к Благородным (то есть к двум последним) степеням ограничивается ста тридцатью семью Дамами Посеребрённого Стремени и всего лишь одиннадцатью Компаньонками Позолоченного. Последние вместе с Гранд-Компаньонками составляют орденский Капитул.

Особенностью ордена является то, что это единственный орден, для которого Верховная Обаятельница не только Суверенка, но и вага Ордена. Позолоченное Стремя и Гранд-Компаньонство вручается ей во время церемонии коронации – за приход к власти. Это полностью соответствует идеологии Ордена, так как стать Верховной Обаятельницей – это, вне всяких сомнений, выдающееся достижение. Таким образом, у Ордена имеются одна или две Гранд-Компаньонки – Верховная и её предшественница, ушедшая на покой. Был случай, когда Гранд-Компаньонка формально было три, но одна из них по обстоятельствам, не связанным с утратой доверия, фактического участия в орденской жизни не принимала.

Ношение Стремени определяется протоколом. Вкратце: допускается ношение награды непосредственно (в виде декоративного металлического полукруга), со шлейфом или в виде символического изображения на попоне.

Типическое награждение Стременем – дарование Посеребрённого Стремени Петре Клейнмихель за руководство строительством дороги Понивилль – Кавай, на тот момент являющейся самой протяжённой в Эквестрии и имеющей стратегическое значение.

Девиз ордена Стремени: «Стремлюсь».

Орден Дышла

Этот орден был создан Аняня Второй практически одновременно с орденом Стремени, но с противоположными – в известном смысле – интенциями. Орден Дышла является обычной наградой за многолетний честный труд, исполнительность и усердие, за выслугу лет и т. п.

Как и Стремя, Орден Дышла имеет четыре степени, которые называются просто Четвёртая, Третья, Вторая и Первая (в порядке возрастания чести).

Четвёртая степень Ордена является массовой наградой для эквестрийского чиновничества, с формулировкой «за многолетнюю беспорочную службу». Третья степень и выше даются чаще всего за то же самое, но для служивших на более высоких должностях. Первая степень – обычная награда для заслуженной начальницы достаточно высокого ранга, уходящей на покой.

При награждении принимаются во внимание не успехи (за успехи дают Стремя), а отсутствие провалов и явных неудач, особенно публичных. Особенно ценится чёткое следование политической линии Верховной со всеми её тактическими изгибами и то, что называется «чувством момента».

Важная черта Ордена Дышла состоит в том, что, в отличие от Стремени, поощряющего прежде всего индивидуальный успех, Дышло принято присваивать за коллективный труд. В частности, считается дурным тоном награждать кого-либо высокой степенью Дышла, не наградив низшей степенью кого-то причастного к тому же делу. Классический пример: если директорке одного из правительственных департаментов за многолетние труды дают Дышло Второй степени, то с её стороны считается уместным поднять вопрос о вручении Четвёртой степени хотя бы двум-трём ближайшим сотрудницам. На практике это требует согласований, иногда весьма сложных. Этим, в частности, занимается Секретариат, состоящий из назначаемых Верховной сотрудниц. Он же занимается и прочей технической работой – прежде всего своевременным отслеживанием памятных дат, профессиональных праздников, юбилеев и прочих поводов для награждений.

Типичным примером награждения Дышлом является недавнее присвоение Дышла Второй степени первой заместительнице начальницы Канцелярии Их Грациозности. По слухам, когда кто-то из ближайшего окружения спросил Верховную, кто она такая и за что ей полагается орден, Верховная ответила – «именно за то, что никто не помнит, кто она такая». Вместе с ней было награждено и несколько сотрудниц Канцелярии в разном ранге, отличавшихся тем же самым достоинством.

Орденским знаком Дышла является изображение на орденской попоне – символическая золотканая полоса на правой стороне. К ней прикалывают орденские мерлетки, то есть маленькие стилизованные изображения птичек без лап, что символизирует постоянный труд и отсутствие иной опоры, кроме милости Верховной. Количество мерлеток обратно степени, то есть Четвёртая символизируется одной мерлеткой, а Первая – четырьмя. Пятая мерлетка, серебряная, даруется сотрудницам Секретариата.

Девиз ордена Дышла: «Не сворачиваем».

Орден Шлеи

Этот орден, как и Золотая Узда, был создан Верховной Обаятельницей Вах-Вах Пэрсик. Сейчас эта историческая личность оценивается в Эквестрии неоднозначно. Однако стоит ещё раз напомнить, что, несмотря на всю причудливость той эпохи, созданные тогда институты оказались весьма устойчивыми и теперь уже стали органической частью эквестрийского государственного устройства.

Согласно легенде, Орден был создан так. Во время одного официального обеда, когда молодая кобылка в ответ на несколько вольное поведение своей соседки по ложу заявила во всеуслышание, что у той воняет изо рта, та – весьма почтенная и чрезвычайно заслуженная поняша – оскорбилась и пожаловалась Верховной. ВВП, однако, отправила её к врачам, которые диагностировали запущенную болезнь желудка и настояли на срочной госпитализации, в результате чего поняшу удалось вылечить. Верховная, не удовлетворившись этим, приказала провести расследование в учреждении, которое возглавляла больная. Выяснилось, что о дурном запахе изо рта знали все, но никто не посмел сказать об этом столь уважаемой пони. Вах-Вах Пэрсик разгневалась и со словами «наша основа погибнет от трусости и чинопочитания» учредила орден Шлеи – для тех, кто нарушал правила, но во благо.

В настоящее время эта история всеми признаётся легендарной, поскольку в анналах Ордена она не значится, а сам повод ничтожен и никак не мог стать причиной награждения (разве что небольшим подарком). Согласно же официальным документам, первой официально награждённой Шлеей поняшей является известная Бриенна Дурова, которая во время войны за Севера, нарушив приказ командующей, совершила крайне рискованную вылазку в глубину расположения вражеских войск, силой захватила в плен авторитета-гнидо-гадоида Кумыса Саксагыра и надругалась над ним. За неподчинение приказу командования и самовольные действия, а также насилие над пленным, она была лишена Стальной Узды с бубенцами и переведена на тыловую службу – но получила от Суверенки первый орден Бархатной Шлеи (алой).

При Вах-Вах Пэрсик Орден имел две каденции – Атлас и Бархат. При Мимими Первой была введена Парча. Имеются также и степени, которых пять, определяемые цветом шлеи, от низшей (белой) через розовую, золотистую и алую вплоть до высшей (пурпурной).

Атлас даруется тем, кто, действуя без приказа, по собственной инициативе и даже нарушая правила (от правил приличия до государственных законов), совершил нечто выдающееся. Обычно это действия, совершаемые с риском для жизни и здоровья, и не всегда своего. Этот последний момент был причиной критики концепции Ордена. На критику ВВП отвечала: «Если хотите избавиться от героизма – вовремя его вознаграждайте». Объясняла она это так: героиня не боится страданий и позора, но нуждается в признании своих заслуг и, только получив таковое, перестаёт героизмовать. Как ни удивительно, статистика подтверждает это: судя по изученным мною документам, подавляющее большинство награждённых Атласом в дальнейшем становились усердными чиновниками, а эвфемизм «от Шлеи до Дышла» означает карьеру выскочки, впоследствии удачно вписавшейся в истеблишмент. Небольшое количество награждённых высшими степенями считается крайне неосторожными или адреналинозависимыми. В некоторых ведомствах розовая или золотистая Шлея означает перемещение на очень специфические должности или конец карьеры. Есть, конечно, исключения – такие, как легендарная Цигель-Цигель Улюлю, руководительница Объединённой Службы Безопасности при Мимими Бжезинской-Бенеш Первой, которая получила должность именно после дарования Пурпурного Атласа. По словам Верховной, «если она до сих пор не сломала себе шею, значит, ей везёт, а мне сейчас нужны везучие». Как известно, ожидания Верховной отчасти оправдались. И если бы Цигель-Цигель не погибла так трагически нелепо (она подвернула ногу в душе и ударила шейю о край ванны), то, вероятно, Северные земли не были бы потеряны.

Что касается Бархата, он является весьма деликатной, если так можно выразиться, наградой. Даруется он за перенесённые с честью незаслуженные страдания и потери, включая репутационные. Как и Бронзовая Узда, эта награда может вручаться посмертно.

Высшие степени Бархата редки. Пурпурный Бархат был дарован всего один раз за всю историю Эквестрии – при обстоятельствах слишком известных и слишком печальных, чтобы упоминать их здесь.

При Мимими Бжезинской-Бенеш Первой была введена третья каденция – Парча. Это редкая награда, присуждаемая, согласно Статуту, «за трудный, но необходимый выбор». Пурпурная Парча была впервые присуждена Лялюсе Тартаковской, многолетней сопернице Бжезинской-Бенеш и самой вероятной претендентке на статус Верховной. Парчу меньших достоинств получили некоторые её сторонники из числа непримиримых. Это было воспринято полусветом как знак примирения и признания Лялюсей и её табуном первенствующего положения новой Верховной. В настоящий момент Парча воспринимается именно в таком смысле – как подарок для оппозиционерок и недовольных, перешедших на сторону официоза. Весьма важным моментом является то, что награждение Парчой, по статуту ордена, сопровождается снятием всех санкций, обвинений и претензий к награждаемой, а также – по неофициальным, но достоверным сведениям – и с её сторонниц, список которых обговаривается перед награждением. По сути, Парча – это официальная амнистия в обмен на публично заявленную лояльность.

Конклава, как такового, не существует. Однако у обладательниц Пурпура есть право озвучивать перед Верховной свою точку зрения на кандидатов.

Крайне интересной, но весьма двусмысленной темой являются так называемые положения Шлеи. Связаны они с ношением орденского знака, то есть парадной шлеи как таковой. Как известно, шлея считается, по выражению эквестрийских модельерок, «самым нескромным из классических уборов». Что до высокой (подхвостной) шлеи, то до правления Вах-Вах Пэрсик подобное положение ремня считалось или пикантной ошибкой, или – в случае намеренно завышенного положения ободочного ремня – элементом эротической игры. Светским одеянием для молодых красивых поняш высокую шлею сделала сама ВВП, отличавшаяся не только грациозностью, но и исключительной красотой. Как орденское одеяние Вах-Вах Пэрсик ввела её, по собственным словам, затем, чтобы при официальных церемониях видеть «разгорячённых юных красавиц, а не [...] развалин».

Высокая (Подхвостная) Шлея даруется исключительно по воле Верховной, только юным и красивым поняшам, причём число обязанных Высоким положением Шлеи ограничено двадцатью одной Юннаткой (как официально именуют обладательниц этой награды). Новое награждение Высоким положением приводит к тому, что награждённая ранее всех лишается Высокой шлеи и получает Низкое положение, сопровождаемое каким-нибудь приятным памятным подарком. При этом награждённой разрешается и далее носить Высокий орденский знак, но уже без преимуществ положения. Обычно это приводит к тому, что бывшая Юннатка довольно быстро меняет Высокую Шлею на Низкую³. Что касается упомянутых преимуществ, то Подхвостная Шлея даёт особые права на светских мероприятиях. В частности, обладательница этой награды имеет право присутствовать на любых приёмах с участием Верховной, занимать любое понравившееся ложе в приёмном зале, а также право проходить первой, не уступая очередь никому, кроме награждённых той же наградой позже (то есть, как выразилась в частном разговоре одна чиновница, в юности сама удостоенная этой награды, «более молодым нахалкам»).

Первая Высокая Шлея была вручена актрисе Саше Грей, впервые в нашей истории осмелившейся выйти на сцену в высокой шлее (в роли Наташи Ростовской в спектакле Ромны Лачи-Чай Виктюк по роману Толстого «Война и Мир»). Это вызвало скандал, Саша оказалась в изоляции и была подвергнута травле со стороны традиционалисток, причём самое активное участие в этом приняли кавалерки Бронзовой Узды. Позиция Верховной – и прежде всего

³ В оригинале – намёк на обстоятельства, не связанные с утратой доверия.

созыв Ордена Шлеи – привела к решительному перелому общественных настроений. Однако от предложенной впоследствии от имени Конклава Бронзы Саша отказалась, мотивировав это участием ваг Конклава в травле. Тогда она была удостоена Розового Бархата Высокого положения. Это привело к ряду полусветских инцидентов (например, к известной истории, когда Саша на светском приеме в честь юбилея Верховной демонстративно заняла место, предназначенное для Экспертки-теа-тралки Конклава), но в целом послужило динамизации и омоложению верхов общества.

Орденским знаком Шлеи является, как нетрудно догадаться, сама шлея. От обычного наряда её отличают орденские цвета и знаки, главным из которых является орденский символ на ободочном ремне. В Низком положении орденский символ располагается на груди.

Девиз ордена Шлеи: «Нет стыда». При создании Ордена девиз звучал как «Нет стыда в доблести», но потом ВВП решила, что он «слишком длинен в произношении и слишком узок в значении».

* Впрочем, бывают своего рода исключения. Если верить слухам, поняша Н. получила Розовый Бархат исключительно потому, что Верховной было благоугодно и далее видеть её на приемах в Высокой Шлее.

Орден Боярышника

История этого Ордена темна и непонятна. По одной из версий, Орден даровался во время Негражданских войн союзникам из числа низкопородных как охранный знак, защищающий от попыток овладения. Известно, что при Уруру Левинской Первой разбиралось дело о занятии некоего ежа, награжденного Боярышником, причём занявшая ежа поняша была признана виновной. Далее, в архивах Уруру Ноттингхильской Второй сохранилось упоминание постановления «О созыве ордена Боярышника». Однако никаких следов этого постановления в официальных документах нет. Наконец, существует Личный Указ Аняня Бамбины-Жозефины Второй, согласно которому она принимает звание Суверенки Ордена Боярышника. Но указом о созыве Ордена он не является.

Тем не менее смысл Ордена всегда оставался одним и тем же. Это награда, вручаемая низкопородным существам за различные заслуги. Неизменной оставалась и главная привилегия, даруемая Орденом: защита. Занятие кавалера Боярышника частной персоной приравнивается к покушению на прерогативы Суверенки Ордена и наказуемо лишением прав с последующим занятием и переводом в электорат.

Что касается Статута Ордена, то, насколько мне удалось выяснить, он переписывался не менее восьми раз. Последние изменения имели место при Мимими Первой. Впрочем, ходят слухи, что Верховная Обаятельница Мимими Вторая намерена внести некие дополнения.

Согласно древнейшему сохранившемуся варианту Статута, орден имел всего три степени. Сейчас же у него имеется двенадцать степеней, символизируемых числом иголок на символическом изображении ветви боярышника, каковой является орденским знаком отличия.

Верхние три степени считаются дипломатическими. Орден с двенадцатью иглами даруется главам иностранных государств – например, при Мимими Первой он был дарован вриогидре Морре, хемульской диктаторке. Следующие две ступени предназначаются для полномочных представителей других доменов, глав дипмиссий и т. п.

Нижние степени именуются общими и предназначаются для свободных существ разных основ, имеющих заслуги перед Эквестрией и Верховной. Получить дипломатическую степень для поняши невозможно. Награждение же высокограциозной и полноправной поняши Боярышником общей ступени означает, что полусвет, Пуси-Раут и лично Верховная испытывают к награждаемой сложные чувства и оценивают её заслуги неоднозначно. В некоторых случаях это имеет смысл предупреждения, а то и тонкого оскорбления.

В качестве поучительного курьёза стоит упомянуть недавнюю историю поняши М. и хемуля Х., прикомандированного сотрудника торговой миссии Хемуля в Эквестрии. Поняша М., имевшая коммерческие интересы в Хемуле, попыталась добиться нужного ей решения по финансовому вопросу, заняв хемуля. Х. появился в миссии недавно, не имел связей и не был награждён Боярышником. Факт заняшивания был доказан, но наказания за него не полагалось. Отсутствие же наказания могло осложнить отношения с ООО «Хемуль». Тогда Верховная, своими средствами частично восстановив разум хемуля, наградила его Боярышником третьей степени и той же награды удостоила поняшу М., причём обе награды были вручены одновременно. По словам главы миссии, он «был удовлетворён». Что касается М., то ей пришлось покинуть полусвет и уйти в частную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.